ВЕРА МОРОЗОВА

СЕРДЦЕ ЛЕДЯНОГО ВЕРЕСКА

Романтическое фэнтези

Вера Морозова

Сердце ледяного вереска

«Автор»
2026

Морозова В.

Сердце ледяного вереска / В. Морозова — «Автор», 2026

Эвелина Торн привыкла полагаться лишь на верный реставрационный стилус и законы материи. Но срочный вызов на суровый Вересковый Кряж меняет все: древняя Академия Равновесия замерзает, защитный купол трещит, а ее брат капитан Себастьян ранен в схватке с ледяными тварями. Хозяин цитадели, суровый генерал Дамиан Крейг, хранит в груди угасающее первородное пламя и не верит столичным гостям. Чтобы вернуть тепло замерзающей твердыне и спасти родного человека, Эвелине предстоит наложить невозможные швы на расколотый алтарь, раскрыть заговор в рядах знати и растопить лед в сердце Черного Дракона. Там, где бессильны боевые чары, решает верность слову, мужество и истинная любовь.

© Морозова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Искры на наковальне 5
Глава 2. Чертоги вечной стужи 10
Глава 3. Драконий холод 15
Глава 4. Заброшенное крыло 20
Глава 5. Чертежи древних мастеров 25
Глава 6. Прорыв на нижнем горизонте 30
Глава 7. Ночной передел 35
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Вера Морозова
Сердце ледяного вереска

Глава 1. Искры на наковальне

Серебряная игла в моих пальцах лопнула с сухим звоном, брызнув во тьму верстака злыми фиолетовыми искрами. Горячий осколок ожег тыльную сторону ладони, оставив на коже знакомый след паленого воска и серы, но я даже не вскрикнула. Времени на жалость к собственным пальцам не оставалось. Сердечник насосного резонатора перед моими глазами уже наливался опасной багровой мутью, а трещина вдоль несущего контура расползалась прямо под лупой, грозя разнести всю мастерскую к чертям собачьим.

«Держи припой, Майра!», крикнула я, не отводя взгляда от пульсирующего камня. «Не зевай, иначе нам обоим придется собирать брови по углам!»

Майра Линч, стоявшая по другую сторону верстака с тяжелыми кузнечными щипцами, мгновенно плеснула из глиняной склянки густое охлаждающее масло на остывающий медный зажим. Масло зашипело, наполнив тесную комнатку едким запахом можжевельника, смолы и жженого сахара. Майра выругалась сквозь зубы, стряхивая со своего холщового фартука едкую копоть, но хватку не ослабила. В свои двадцать три года она знала цену ошибке в нашей работе: если стабилизирующий шов лопнет, шахтеры нижнего горизонта останутся без откачки грунтовой воды еще на неделю, угольные штольни затопит ледяная жижа, а нас с позором выставят из предгорного посада без права ремесленной практики.

«Ты с ума сошла, Эви», пробормотала подруга, прижимая вторую полосу серебряной фольги к стыку. «Этот кристалл выработал свой ресурс еще при твоем покойном деде. Там внутри живой огонь сплелся с кристаллическим кварцевым песком. Еще две секунды давления, и он сдетонирует прямо нам в лица!»

«Не сдетонирует, если ты перестанешь дрожать и удержишь зажим», отозвалась я, закусив нижнюю губу и вытягивая из замшевого чехла запасной стилус из закаленной гномьей стали.

Я прикрыла веки на долю секунды, настраивая зрение на внутренний спектр. Мир потерял привычные очертания бревенчатых стен мастерской, закопченных полок с мотками медной проволоки и пузатых банок с канифолью. Вместо этого перед моим внутренним взором развернулась тончайшая паутина силовых линий. Там, где обычный маг видел лишь кусок мертвого минерала, я видела живой узел. Он кричал от боли. Внутренние волокна стихийной меди были перекручены, порваны и натянуты до предела. Их нужно было не давить грубой силой, как учили чванливых столичных мальчиков в академиях, а сшивать. Бережно, стежок за стежком, словно затягиваешь рваную рану на теле живого существа.

Мой дар не блистал на столичных парадах. Я не умела метать молнии размером со столетний дуб и не умела возводить ледяные крепости по щелчку пальцев. Но я видела швы. И умела вязать узлы, которые держали саму материю мира. Этому меня учил отец, пока чахотка и медная пыль не свели его в сырую могилу три года назад, оставив нам с братом гору долгов за мастерскую, старый кузнечный горн и сундук бесценных ремесленных записей.

Я коснулась острием стилуса точки излома. Синий огонек на кончике металла дрогнул, послушно следуя за плавным круговым движением моей кисти. Тончайшая серебряная нить потянулась из сердцевины камня, обвивая трещину, стягивая края, сплавляя разорванную кремниевую матрицу в единый гладкий монолит. Камень глухо заурчал, словно сытый горный барс, багровое свечение сменилось спокойным медовым теплом, и наконец насосный резонатор выдохнул облачко пара, замирая в гнезде зажима.

Майра тяжело плюхнулась на колченогий табурет, с грохотом бросила щипцы на верстак и вытерла рукавом взмокший лоб.

«Клянусь всеми духами предгорий, Торн, ты когда-нибудь сгоришь прямо за этим столом. Староста поселка обещал за этот насос тридцать медных монет. Тридцать! За работу, на которую столичный артефактор потребовал бы золотой слиток и месяц на раздумья в удобном кресле».

«Нам нужны деньги на дрова, муку и зимнюю крупу», спокойно ответила я, пряча остывший стилус в футляр и потирая ноющую ладонь. «А еще лекарю в гарнизоне нужно заплатить за мази для Себастьяна. Скоро пойдут настоящие заморозки, и перевал засыплет снегом до самой весны. Если пограничные дозоры отрежет буранами, брат не сможет спускаться в долину чаще раза в месяц. А служить на ветру с простуженной поясницей - верная гибель».

«Твой брат капитан пограничной стражи, а не безусый рекрут», мягче сказала Майра, поправляя выбившуюся из косы пепельную прядь. «Себастьян знает эти горы лучше любого старого егеря. Он сам кого хочешь научит выживать на ледниках. Помнишь, как в прошлом году он вытащил трех заблудившихся лесорубов из снежной расщелины? Весь поселок носил ему пироги целую неделю».

«Помню», улыбнулась я, вспоминая широкую, открытую улыбку брата. «Но горы не прощают беспечности. Вчера снизу передавали, что на верхних заставах видели ледяное сияние над Разломом. Старики говорят, такой зимы не было двадцать лет».

Договорить мы не успели.

Снаружи, сквозь тяжелую дубовую дверь мастерской, донесся тяжелый дробный топот кованых подков по мерзлой земле. Затем послышался резкий металлический лязг, от которого на полке жалобно зазвенели пустые аптекарские склянки. Майра вскинулась, инстинктивно потянувшись к тяжелому латунному пестику для растирания трав. Собаки на соседнем дворе зашлись отчаянным, захлебывающимся лаем, который мгновенно оборвался испуганным визгом, будто псы почуяли приближение свирепого верхового хищника.

Дверь распахнулась без стука, впустив в комнату клубы морозного пара и колючий сквозняк, пахнущий сырым снегом, лошадиным потом и оружейной смазкой.

На пороге стоял человек в тяжелом офицерском плаще из волчьего меха, подбитом толстой выварenной кожей. На его вороненных латах блестели капли тающего инея, а на широком поясе висел тяжелый палаш с гардой в виде скрещенных топоров - знак северного пограничного гарнизона. За его широкой спиной в сгущающихся сумерках маячили двое дюжих солдат в дорожных полушубках, державших длинные носилки из грубого брезента.

«Эвелина Торн?», голос вошедшего звучал хрипло и сухо, словно треск ломающегося наста на морозе.

Я медленно поднялась из-за верстака, не снимая кожаного рабочего фартука со следами машинного масла и канифоли, и сжала в кармане тяжелую рукоять монтажных кусачек. В предгорьях молодая незамужняя мастерица быстро училась держать оборону против любого незваного гостя.

«Я. А вы нарушаете покой частной мастерской, господин офицер. Если вы пришли за починкой походных печей или зарядкой сигнальных факелов, то заказы принимаются с утра и строго по очереди. А если просто погреться у чужой печи - трактир «Горный баран» находится в трех сотнях шагов вниз по улице».

В этот момент задняя дверь мастерской скрипнула, и в комнату с корзиной свежесобранных трав вошла Майра Линч. Заметив вооруженного офицера пограничной стражи, моя подруга мгновенно подобралась, опустила корзину на табурет и незаметно положила ладонь на флакон с перечной вытяжкой на поясе:

«Эви, у нас гости? Надеюсь, господа военные не забыли вытереть сапоги перед порогом?»

Офицер даже не моргнул. Он стянул толстую рукавицу, обнажив жилистую ладонь со старыми боевыми шрамами, и шагнул вперед. Лицо его, обветренное до цвета дубленой кожи, с глубокой бороздой от сабельного удара через левую бровь, было темным от нечеловеческой усталости.

«Я комендант Кристоф Валлен, начальник крепостного гарнизона Верескового Перевала. И я пришел не за печами, госпожа реставратор».

Он сделал короткий жест рукой назад. Солдаты тяжело шагнули через порог, стуча подкованными сапогами по половицам, и опустили носилки прямо на сосновый пол посреди комнаты.

Мое сердце оборвалось и рухнуло куда-то в ледяную пустоту.

На носилках, завернутый в пропитанное кровью войлочное одеяло, лежал мой брат.

«Себастьян!», крик вырвался из моей груди прежде, чем разум успел осознать происходящее.

Я бросилась на колени перед носилками, наплевав на въевшуюся в половицы сажу и холод, тянувший от солдатских сапог. Лицо Себастьяна было бледнее первого снега. Его губы посинели, ресницы подрагивали мелкой лихорадочной дрожью, а дыхание вырывалось из груди с жутким свистящим хрипом, словно в легких перекатывались мелкие осколки битого стекла. Но страшнее всего было другое: из-под расстегнутого воротника его офицерского мундира на шею и скулы поднималась ветвистая, мерцающая тусклым фосфорным светом сетка ледяных кристаллических игл.

«Стихийное заражение», выдохнула Майра за моей спиной, роняя свой пестик. Звук падения латуни о дерево показался оглушительным. «Пречистая дева, это же хладная скверна из самого Разлома!»

«Разведка попала в засаду на верхнем гребне три дня назад», глухо произнес Кристоф Валлен, глядя на лежащего капитана с тяжелым, давящим сочувствием. «Себастьян прикрывал отход своего дозора. Он принял на щит удар ледяной твари из прорыва. Щит раскололся, и скверна вошла в кровь. Наши полевые костоправы сумели только замедлить кристаллизацию. Еще двое суток, госпожа Торн, и его сердце обратится в кусок мерзлого шлака».

Мои пальцы дрожали, когда я коснулась горячечного лба брата. Кожа Себастьяна обжигала противоестественным, мертвящим холодом. Я попыталась заглянуть в его энергетические каналы и отшатнулась: магические жилы брата были словно забиты ледяной крупой. Любая попытка пустить по ним целительский импульс разорвала бы сосуды изнутри. Капли пота на его висках превращались в тончайшие кристаллики льда прямо на моих глазах.

«Зачем вы привезли его сюда?», мой голос сорвался, в нем звенела дикая, отчаянная злость. «Вы знаете, что у меня нет лекарской лицензии! Вы должны были везти его в столичный лазарет, к магистрам высшего круга!»

«До столицы три недели пути по осенней распутице», отрезал Валлен. «Он не доживет до следующего перевала. В предгорьях есть только одно место, где можно выжечь скверну такого уровня. Алтарная чаша в цитадели Верескового Кряжа. Там сохранились древние стационарные концентраторы, способные переплавить стихийный яд».

Я замерла, не отрывая руки от холодной щеки брата. В голове пронеслись обрывки старых рассказов отца о гигантской базальтовой твердыне, врезанной в отвесные скалы над облаками.

«Вы говорите об Академии Равновесия. О заброшенной цитадели на утесах».

«Она больше не заброшена», жестко произнес комендант. «Месяц назад туда прибыл новый командующий Северным Крылом и новый ректор. И у него есть приказ восстановить цитадель к зиме любой ценой. Но есть проблема. Главное Сердце Вереска - центральный алтарный кристалл, питающий все тепловые и защитные контуры крепости - расколот. Концентраторы в лазарете не работают без общей сети. Если нет тепла и энергии в алтаре, твой брат умрет. Как и половина нашего гарнизона, когда ударят настоящие бураны».

«И при чем здесь я?», я медленно подняла глаза на офицера.

Кристоф Валлен полез за пазуху и извлек тяжелый свиток из плотного пергамента, перехваченный витым серебряным шнуром.

«При том, госпожа Торн, что столичные маги, которых прислало министерство, умеют только надувать щеки и составлять сметы. Они заявили, что расколотый накопитель такого класса починить невозможно, и сбежали обратно в тепло при первом же снегопаде. А ваш покойный отец был лучшим мастером по швам в северных провинциях. И весь гарнизон знает, что его дочь унаследовала его руки. Вы можете спасти алтарь. А алтарь спасет вашего брата».

Он протянул свиток мне.

«Это контракт на экстренную реставрацию несущих узлов Академии Равновесия. Если вы соглашаетесь подняться на Кряж и приступить к работе, капитан Торн немедленно зачисляется в офицерский госпиталь цитадели. Ему выделят запас королевского стабилизирующего бальзама и персонального дежурного мага, который будет поддерживать биение сердца, пока вы чините алтарь. Все расходы берет на себя казна крепости. Кроме того, вы получите полное обеспечение мастерской и право использовать гарнизонные запасы сырья».

«А если я откажусь?», спросила я, хотя уже знала ответ.

Валлен посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде не было жестокости, только беспощадная правда военной границы.

«Если откажетесь, через сорок восемь часов вы похороните брата в мерзлой земле за околицей. Выбирать вам, госпожа Торн».

Я посмотрела на Себастьяна. На его бледном виске билась едва заметная, слабая жилка. Единственный родной человек, оставшийся у меня в этом холодном мире. Человек, который после гибели отца брал ночные караулы, чтобы оплатить мои учебные тетради и серебряные иглы. Человек, который никогда не сдавался.

Я выхватила свиток из рук коменданта, сорвала шнур и развернула плотный лист прямо на верстаке, рядом с остывшим резонатором.

Условия были предельно жесткими: полное подчинение военному уставу крепости, круглосуточная готовность, ответственность головой за сохранность вверенных артефактов. Но внизу страницы стояло то, от чего дыхание перехватило в горле.

Там, где должна была стоять подпись нанимателя, красовался глубокий оттиск темно-синего сургуча. На нем не было герба императорской гильдии магов. Вместо этого в застывшем воске отчетливо проступала расправившая крылья драконья пасть, сжимающая три ледяных клыка, а под ней вилась чеканная надпись на древнем наречии: Герцог Дамиан вар Крейг, лорд Черных Вершин.

Высший лазурный дракон. Тот самый генерал, о чьей беспощадности и холодном высокомерии шептались даже у нас в трактирах. Человек, которого боялись больше, чем прорывов из Разлома. Говорили, что в бою он не знает жалости ни к врагам, ни к собственным людям, а его дыхание способно расплавить стальные латы за секунду.

«Я еду с тобой, Эви», твердо произнесла Майра, подходя ко мне и кладя руку на плечо. «Я не оставлю тебя одну среди гарнизонных рубак и драконьих лордов. К тому же Себастьяну нужны регулярные компрессы из пепельного корня, иначе лед проберется к легким раньше, чем вы доберетесь до верха».

«Майра, это смертельно опасно», тихо сказала я, глядя в решительные глаза подруги.

«Оставаться здесь и ждать похорон еще опаснее», отрезала травница и решительно направилась к полкам с лекарственными сборами. «Собирай свои притиры, спайки и отцовские записи. Я уложу спиртовки, сушеный вереск и дорожную аптечку».

Я взяла перо, обмакнула его в чернила и твердой рукой вывела свою подпись: Эвелина Торн, мастер конструктивных швов.

Когда чернила высохли, я прижала палец к печати, скрепляя договор кровью и магией, как требовал древний обычай.

В ту же секунду сургуч под моей подушечкой вспыхнул яростным, обжигающим синим пламенем. Резкая волна жара прокатилась по моей руке, отдавшись странным, гулким звоном в самой глубине груди, словно где-то на заснеженной вершине горы отозвался огромный бронзовый колокол. Запястье обожгло нестерпимой судорогой, и мой рабочий серебряный браслет, никогда не реагировавший на чужую магию, налился ослепительным белым светом.

Кристоф Валлен сделал шаг назад, его рука машинально легла на рукоять палаша, а в глазах мелькнуло неподдельное изумление. Солдаты у дверей испуганно переглянулись, сжимая древки алебард.

«Что за чертовщина...», выдохнул комендант, глядя на мою руку. Затем он медленно покачал головой и посмотрел на меня с мрачной тревогой. «Собирайте инструменты, госпожа Торн. И молитесь богам, чтобы ваше ремесло оказалось крепче гранита. Потому что из тех мастеров, кто входил в покои Черного Дракона этой зимой, своим ходом обратно не вернулся еще никто».

Глава 2. Чертоги вечной стужи

Подъем на Вересковый Кряж напоминал медленное восхождение в пасть ледяного чудовища.

Горная дорога, выбитая в монолитном базальте еще во времена первых драконьих владык три столетия назад, вилась крутым опасным серпантином над бездонными ущельями. Тяжелые обозные сани, обитые кованым железом, натужно скрипели полозьями по мерзлому насту, вздрагивая на каждом ледяном перекате. Четверка низкорослых мохноногих коней северной породы мерно выбрасывала из ноздрей густые клубы белого пара, оставляя за собой шлейф хриплого дыхания. Ветер, налетавший с севера со стороны Великого Разлома, крепчал с каждой сотней ярдов высоты. Он швырял в лицо колючую ледяную крупу, пробирался под толстую овчину дорожного тулупа и выдувал остатки тепла из самых костей.

Я сидела на просмоленном тюке с запасными мотками медной жилы, прижимая к груди сундучок с тонкими инструментами, и не отрывала глаз от вторых саней, шедших в середине колонны. Там, под тремя слоями тяжелых волчьих шкур, лежал Себастьян. Рядом с ним, кутаясь в стеганый шерстяной платок до самых бровей, сидела Майра Линч. Каждые четверть часа подруга смачивала потрескавшиеся губы брата горячим травяным взваром из запечатанной оловянной фляги и проверяла, не добрались ли ледяные наросты скверны до ключиц.

«Держись крепче за поручень, госпожа Торн!», перекрывая свист бурана, крикнул Кристоф Валлен. Он ехал верхом на могучем гнедом жеребце впереди обоза, не обращая ни малейшего внимания на пургу. «Впереди Чертов Карниз! Если сани сорвутся, до дна ущелья лететь полмили, и собирать вас на камнях будет некому!»

Я выглянула из-под овчинного капюшона. Слева от дороги вздымалась отвесная черная скала, отполированная вековыми бурями до зеркального блеска. Справа зияла серая, клубящаяся ядовитым туманом пропасть, из которой веяло сырым запахом замерзшего мха, серы и застарелого ледника.

На одном из крутых поворотов полозья задних саней с провиантом внезапно соскользнули с обледенелой кромки. Раздался испуганный конский храп, возница истошно завопил, перекрывая вой ветра. Сани накренились над бездной, готовые увлечь за собой упряжку.

«Стоять! Не дергай повод!», рявкнул Валлен, осаживая своего жеребца.

Я спрыгнула с тюка прежде, чем страх успел сковать ноги. Подбежав к соскользнувшим саням, я выхватила из кармана серебряный штырь с зазубринами, вогнала его в трещину скалы и пустила по металлу короткий импульс кинетического якоря. Серебряная нить вспыхнула синим светом, намертво связав скалу и кованый полоз саней. Сани замерли над пропастью, словно припаянные к граниту.

Двое солдат мгновенно подхватили постромки и рывком вытянули повозку обратно на колею.

Возница посмотрел на меня с благоговейным ужасом, часто крестясь рукавицей:

«Спасибо, барышня... Клянусь богами, если б не твой штырь, лететь бы мне на дно к ледяным духам».

Валлен подъехал ближе, смерил меня тяжелым, оценивающим взглядом из-под заиндевевших бровей и коротко кивнул:

«Хорошая реакция, Торн. Твой отец гордился бы такой хваткой. Но впредь не рискуй головой без команды».

Среди этой бесплодной ледяной пустыни мой взгляд снова зацепился за удивительное природное явление.

В узких расщелинах мерзлого гранита, прямо под слоем прозрачной ледяной корки, цвели кусты.

Это был горный пепельный вереск. Его мелкие, плотные соцветия переливались призрачным серебристо-лиловым цветом, словно внутри каждого крошечного лепестка тлела затаенная искра. Ни свирепый мороз, ни ледяной ветер не могли заглушить это тихое, упрямое сияние. Растение словно питалось самой стужей, преобразуя разрушительный холод в мягкий магический свет.

«Отец рассказывал чистую правду», тихо прошептала я себе под нос, чувствуя, как в замерзших пальцах оживает профессиональный азарт. «Вересковый Кряж держится не на мертвом камне. Он держится на живой ткани корней».

Спустя еще два мучительных часа подъема дорога вывела наш обоз на широкое гранитное плато, и в серой пелене метели проступили колоссальные очертания Академии Равновесия.

Даже в своем нынешнем запустении эта твердыня внушала благоговейный трепет. Она не была построена из отдельных блоков - ее циклопические башни, зубчатые куртины и стрельчатые своды были буквально высечены в самом теле горы древними повелителями пламени. Над главным въездом нависала исполинская арка, увенчанная барельефом двух сплетенных драконов, чьи каменные крылья образовывали защитный козырек над коваными воротами.

Но стоило саням миновать подъемный мост и въехать во внутренний двор, как величие сменилось гнетущим запустением.

В воздухе висел тяжелый запах замерзшего железа, мокрого конского волоса и удушливой сырости. Со стен свисали многометровые ледяные наросты, похожие на зубы ископаемого чудовища. Солдаты гарнизона, кутаясь в потрепанные овчинные тулупы поверх потемневших кольчуг, провожали нас хмурыми, настороженными взглядами. В их глазах читалась не враждебность, а глубокая, въевшаяся в кости усталость людей, которые годами держат оборону на краю обитаемого мира без поддержки и надежды.

Широкий плац, рассчитанный на тысячи адептов и драконьих всадников, был наполовину занесен сугробами. Огромные стрельчатые окна нижних ярусов были наглухо заколочены неотесанными досками или затянуты промасленной дерюгой. Из вентиляционных шахт не поднимался привычный теплый дым магических котлов. Вместо него над крепостью висела звенящая, мертвая тишина, нарушаемая лишь завыванием сквозняков в пустых галереях да редкими выкриками продрогших часовых на верхних ярусах.

«Приехали», бросил Валлен, легко спрыгивая с коня в сугроб. «Живо носилки в лазарет! Шевелитесь, бездельники, капитан Торн на исходе!»

Двое караульных подхватили носилки с Себастьяном. Мы с Майрой поспешили следом, переступая через порог массивной железной двери, ведшей в госпитальное крыло цокольного этажа.

Внутри оказалось ненамного теплее, чем на улице. Воздух в сводчатом коридоре был сырым, пахнущим плесенью, карболкой и застарелым гарнизонным потом. На стенах через каждые двадцать шагов тускло мерцали стеклянные шары аварийных светильников, но свет их был слабым, желтушным, подернутым паутиной угасания.

В лазаретной палате стояло с десяток коек с железными спинками, но заняты были только три. На них лежали раненые пограничники, пострадавшие в стычках на перевале. Увидев носилки с Себастьяном, один из них, с забинтованной головой, приподнялся на локте:

«Капитан... Держись, командир... Он вытащил нас из засады, а сам лег...»

Навстречу нам из бокового закутка торопливо вышел немолодой мужчина в засаленном кожаном фартуке лекаря, вытирая руки грязной холстиной. На его поясе висела связка костяных пил и глиняных банок с притирками.

«Кого там еще принесло?», проворчал он сиплым голосом, близоруко щурясь на вошедших. «Валлен, ты в своем уме? У меня лазаретные контуры еле дышат! Из трех отопительных печей работает полторы, да и те жрут уголь, как ненасытные тролли!»

«Принимай офицера, лекарь Григ», отрезал комендант, указывая на носилки. «Стихийное заражение из Разлома. Поражение грудной клетки и магических каналов».

Лекарь откинул волчью шкуру, наклонился над Себастьяном и тут же отпрянул, испуганно округлив глаза:

«Хладная скверна третьей степени! Вы с ума сошли? Ему нужен полный резонансный купол с постоянной подпиткой от центрального алтаря! Без горячего контура я смогу только обколоть его обезболивающим и ждать, пока лед не разорвет легкие!»

«Для починки алтаря я привез мастера», Валлен кивнул на меня. «А твоя задача, Григ, сделать так, чтобы парень дожил до того момента, когда она запустит ядро. Хоть душу из него зубами держи, но капитан должен дышать».

Лекарь скептически смерил меня взглядом, задержавшись на моем простом дорожном тулупе и сундучке с ручным инструментом. В его глазах читалось неприкрытое сомнение, но спорить с комендантом он не посмел.

Я подошла к койке, на которую бережно переложили брата. Лицо Себастьяна казалось высеченным из серого мрамора. Ледяная паутина на его шее стала гуще, кристаллы уже добирались до подбородка, издавая едва слышное стеклянное потрескивание при каждом слабом вдохе.

«Себ...», тихо позвала я, касаясь его холодной щеки. Брат не ответил, лишь веки его дрогнули в болезненном спазме.

«Я останусь с ним», решительно заявила Майра, сбрасывая платок и открывая свой дорожный ящик со снадобьями. «Разложу примочки из сушеного багульника и верескового масла. Это удержит скверну от проникновения в сонные артерии на несколько часов. Иди, Эви. Сделай то, зачем мы сюда приехали».

Я кивнула подруге, с трудом подавляя ком в горле, повернулась к Валлену и расправила плечи:

«Ведите к алтарю, господин комендант. Времени нет».

Мы вышли из лазарета и углубились в лабиринт внутренних переходов крепости. Чем выше мы поднимались по широким каменным лестницам, тем явственнее ощущалось, какой грандиозной силой обладало это место в дни своего расцвета. На стенах проступали остатки золоченой вязи древних охранных рун, на сводчатых потолках темнели потухшие кристаллы освещения величиной с человеческую голову. Но сейчас все это спало летаргическим сном. Холод пробирал до самых ребер, от нашего дыхания летели густые клубы пара, а под ногами на каменных плитах хрустела тонкая ледяная крупа.

«Почему Академию довели до такого состояния?», не удержалась я от вопроса, прижимая сундучок к боку. «Это же северный щит всей провинции! Как совет мог бросить гарнизон замерзать?»

Валлен тяжело усмехнулся, не оборачиваясь:

«Столичным вельможам плевать на север, госпожа Торн, пока в их собственных каминах горят березовые дрова. Двадцать лет назад здесь грохнул центральный накопитель. Погибли лучшие маги, сгорела треть архива, а трещина в защитном куполе открыла дорогу ветрам Разлома. Совет посчитал, что восстанавливать цитадель слишком накладно. Проще было запереть нижние ярусы, сократить довольствие и оставить здесь сотню штрафников да старых служак караулить границу. А молодежь предпочли учить в столичных теплых залах, где самое страшное испытание - не пролить пунш на бархатные панталоны».

«Но герцог Крейг вернулся сюда», заметила я. «Зачем верховному дракону бросать столицу ради ледяной могилы?»

Комендант резко остановился на широкой площадке перед массивными двустворчатыми дверями из черного мореного дуба, окованными пластинами чешуйчатой бронзы. Он повернулся ко мне, и лицо его в полутьме коридора казалось вырубленным из гранита.

«Потому что Черные Вершины - это его родовое гнездо, девочка. И потому что драконы не бегут от опасности, как столичные крысы. Но запомни одну вещь: его светлость не знает снисхождения к слабости. Для него существует только результат. Если ты сумеешь вернуть искру в Сердце Вереска, он осыплет тебя золотом и спасет твоего брата. Если окажешься пустозвонкой, как предыдущие столичные умники, он вышвырнет тебя на мороз без оглядки на твою молодость и фамилию».

«Я приехала сюда не за снисхождением, комендант», сухо ответила я, глядя ему прямо в переносицу. «Я приехала работать. Открывайте».

Валлен хмыкнул, в его глазах мелькнуло что-то похожее на скупое уважение, и он толкнул тяжелые дубовые створки.

Двери распахнулись с глухим стоном, открывая вид на колоссальный восьмиугольный зал Верховной Канцелярии.

Помещение поражало воображение своими масштабами. Высоко над головой, на высоте четырех человеческих ростов, смыкались ребра готических сводов, украшенные застывшей каменной чешуей. Вдоль стен высились гигантские стеллажи из черного дерева, забитые фолиантами в кожаных переплетах, картами и свернутыми чертежами. В огромном камине у дальней стены тлели сизые угли, дававшие ничтожно мало тепла для такого исполинского объема.

Но все величие зала меркло перед фигурой человека, стоявшего возле широкого стрельчатого окна с бокалом в руке.

Он стоял спиной к нам, глядя сквозь толстое стекло на бушующую за стенами метель. Высокий, широкоплечий, словно выкованный из цельного куска вороненой стали, он казался воплощением первородной мощи этих диких гор. На нем был простой темно-синий камзол из плотного сукна без лишних украшений, перехваченный широким офицерским поясом с серебряной пряжкой в виде драконьей головы, и высокие сапоги из мягкой яловой кожи. Густые смоляно-черные волосы падали на широкие плечи, чуть тронутые на кончиках холодным серебристым отливом.

От одного его присутствия в зале воздух казался разреженным и наэлектризованным, словно перед ударом молнии. Моя кожа мгновенно покрылась мурашками, а в горле пересохло.

«Ваша светлость», Валлен вытянулся во фрунт, прижав кулак к нагрудной пластине. «Мастер конструктивных швов доставлена. Госпожа Эвелина Торн».

Человек у окна медленно повернулся.

У меня перехватило дыхание.

Герцог Дамиан вар Крейг был пугающе, хищно красив той темной, опасной красотой, от которой у слабых духом подкашиваются колени. Резкие, словно высеченные резцом скулы, прямой аристократический нос, упрямый подбородок с жесткой складкой у губ. Но самым поразительным были его глаза. Они не были человеческими. В их радужках плескалась густая, бездонная лазурь, окаймленная узким золотым ободком, а вертикальные зрачки едва заметно сужались и расширялись в такт биению невидимого пламени.

Его тяжелый, проницательный взгляд скользнул по моей фигуре, задержался на стареньком кожаном сундучке с инструментами и остановился на лице.

«Это и есть хваленый реставратор высшего класса, Валлен?», голос герцога звучал низко, бархатисто, но в нем слышался рокот осыпающегося ледника. «Девчонка из предгорной лавки с ожогами от канифоли на пальцах?»

Моя кровь вскипела мгновенно. Страх, сковывавший мышцы, испарился, уступив место чистой, холодной гордости ремесленника.

«Ожоги на моих пальцах, ваша светлость, получены от работы с живым металлом, а не от перелистывания придворных докладов», отчеканила я, делая шаг вперед и не опуская глаз. «И если эти пальцы способны залатать то, что ваши столичные маги сочли безнадежным хламом, то вам стоит судить о мастере по его швам, а не по его возрасту».

В зале повисла мертвая, звенящая тишина. Валлен за моей спиной судорожно втянул воздух сквозь зубы, словно ожидая, что герцог немедленно обратит дерзкую девицу в горсть пепла.

Дамиан Крейг медленно опустил бокал на массивный дубовый стол. На его губах не появилось даже тени улыбки, но в глубине лазурных глаз вспыхнули опасные, насмешливые искры. Он сделал шаг ко мне. Один. Другой. Он двигался абсолютно бесшумно, с грацией сытого леопарда, и с каждым его шагом волна сухого, обжигающего жара накатывала на меня все сильнее, контрастируя с ледяным холодом сквозняков.

Он остановился в полушаге от меня, возвышаясь надо мной почти на две головы. Я почувствовала его запах - терпкий аромат морозного воздуха, горного вереска и раскаленного базальта.

«Смелости тебе не занимать, госпожа Торн», негромко произнес герцог, и его вертикальные зрачки сузились в тончайшие иглы. «Но смелость на Вересковом Кряже - самый дешевый товар. Здесь ценятся только те, кто умеет держать удар стихии».

Он протянул руку и кончиками пальцев коснулся крышки моего деревянного сундучка.

И в этот миг случилось то, к чему ни один из нас не был готов.

Случайное, мимолетное касание его пальцев к моим ледяным суставам отозвалось оглушительным взрывом.

Воздух между нами взорвался каскадом ослепительных сине-золотых искр. Мощная энергетическая дуга выгнулась дугой, пробив толщу рукава, и с сухим треском ударила в мое запястье. Серебряный браслет, подаренный отцом, раскалился до белого каления, впиваясь в кожу, а в груди вспыхнуло такое неистовое, сладостное и жгучее пламя, что у меня подкосились ноги.

Дамиан отшатнулся назад, словно его ударили боевым молотом. Его лицо исказилось от ярости и изумления, лазурный свет в глазах затопил белки, а на тыльной стороне его ладони, сквозь человеческую кожу, на долю секунды проступила переливающаяся сапфировая чешуя.

«Что ты сделала?!», прорычал он, и в его голосе явственно прозвучал глухой, вибрирующий драконий рык, от которого задрожали стекла в стрельчатых окнах.

Глава 3. Драконий холод

Воздух в канцелярии пах озоном, паленой шерстью и раскаленным металлом.

Я стояла, не шевелясь, чувствуя, как по венам от запястья к плечу медленно отступает обжигающая волна. Мой серебряный браслет все еще тихо шипел, остывая на покрасневшей коже, а кончики пальцев мелко подрагивали от остаточного электрического напряжения. Но я заставила себя вскинуть подбородок и встретить бешеный, ошеломленный взгляд герцога.

«Я ничего не делала, ваша светлость», - мой голос прозвучал ровно, хотя в груди сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. «Это вы коснулись моего инструмента. В моих жилах нет атакующих заклинаний. Я реставратор, а не боевик».

Дамиан Крейг медленно опустил руку. Сапфировая чешуя на его костяшках растаяла, словно иней под полуденным солнцем, уступая место бледной человеческой коже, но вертикальный зрачок остался узким, хищным, напряженным до предела. Он тяжело перевел дыхание, и облачко морозного пара сорвалось с его губ.

«Валлен», - не оборачиваясь, глухо бросил герцог. «Оставь нас».

Комендант, чье лицо за эти секунды успело посереть от напряжения, коротко кивнул:

«Слушаюсь, милорд. Я буду у дверей лазарета».

Тяжелые дубовые створки захлопнулись за спиной офицера с глухим стуком, отрезая нас от остального мира. В огромном зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей в камине да далеким стоном метели за витражными стеклами.

Герцог сделал шаг назад, скрестив руки на груди. Его взгляд, теперь темный, почти черный, словно бездонный горный колодец, ощупывал меня с пугающей внимательностью, словно он пытался заглянуть под самую кожу, просветить кости и разглядеть сплетение невидимых жил.

«Кто ты такая, Эвелина Торн?», - спросил он, и в его голосе больше не было прежнего холодного пренебрежения, только острое, колючее подозрение. «В твоей родословной, которую мне прислали из магистрата, значатся лишь три поколения предгорных ремесленников, кузнецов и медников. Ни капли благородной крови. Ни одного упоминания о драконьих родах».

«Мой род не искал благородства при дворе, герцог», - ответила я, бережно растирая ноющее запястье. «Торны жили на Вересковом Кряже за триста лет до того, как ваши предки возвели эти башни. Мой прадед ковал крепежные скобы для первой кладки нижних бастионов. Если моя кровь отзывается на камень этой крепости, то лишь потому, что наши руки вложили в нее слишком много сил».

«Камень здесь ни при чем», - Дамиан резко мотнул головой, и прядь черных волос упала ему на лоб. «Это был не отклик фундамента. Это был стихийный резонанс высшего порядка. Искра первородного пламени. Такое случается лишь тогда, когда две полярные магические сущности сталкиваются и узнают друг друга. Драконья кровь никогда не отзывается на простую сталь».

Он осекся, плотно сжав губы, словно запретил себе произносить вслух страшное или невозможное слово. На его скулах заиграли тяжелые желваки. Я видела, с каким колоссальным усилием воли он загоняет бушующую внутри стихию обратно под замок.

«Когда что, ваша светлость?», - не отступала я, чувствуя, как внутри разгорается опасное любопытство. «Когда навязанный мне контракт оказывается опаснее, чем вы изволили предупредить? Вы боитесь признать, что вам нужна помощь простого ремесленника?»

Дамиан прищурился. На мгновение мне показалось, что он снова сорвется, но он лишь криво усмехнулся - горько и сухо.

«Идем. Ты хотела увидеть фронт работ, госпожа мастер? Я покажу тебе то, от чего столичные архимаги бледнели и требовали конвой до ближайшей почтовой станции».

Он повернулся и решительным шагом направился к неприметной арочной двери в углу зала, скрытой за тяжелым выцветшим гобеленом с изображением битвы у Ледяного Разлома. Я подхватила свой сундучок, поправила ремень и зашагала следом, стараясь не отставать от его широких, стремительных шагов.

За потайной дверью начиналась узкая винтовая лестница, уходящая глубоко вниз, в самое брюхо гранитной скалы.

Ступени были крутыми, влажными от конденсата и покрытыми скользкой коркой намерзшего инея. Здесь не было светильников. Дамиан просто поднял левую руку, и над его раскрытой ладонью заплясал бесшумный шарик чистого лазурного огня. Это пламя не коптило и не трещало. Оно заливало древние базальтовые стены призрачным сапфировым сиянием, выхватывая из темноты грубую насечку зубила и полустертые защитные символы.

Мы спускались все глубже. Холод нарастал с каждым пролетом, становясь не просто физическим ощущением, а почти осязаемой тяжестью, давившей на плечи. Воздух стал настолько плотным и колючим, что каждый вдох отзывался резкой болью в бронхах. В нос ударил запах застарелого снега, серы и остывшего шлака.

«Сколько ярусов мы прошли?», - спросила я, чтобы разогнать давящую тишину.

«Семь», - коротко бросил герцог, не оборачиваясь. «Мы находимся под уровнем естественных шахт. В сердце первого основания. Здесь температура падает ниже нуля даже в разгар лета, но двадцать лет назад эти коридоры были наполнены теплом, словно оранжерея».

«Из-за Сердца Вереска?», - уточнила я, кутаясь в свой шерстяной шарф.

«Именно. Древние зодчие знали толк в термодинамике стихий. Они соединили подземный термальный источник, залежи кристаллической руды и драконье пламя в замкнутую систему. Пока ядро функционировало, тепло циркулировало по медным каналам в стенах, прогревая жилые корпуса, учебные аудитории и казармы до самых верхних башен. Сейчас эта система мертва. Вода в трубах замерзла, металл разорвало льдом, а столичный совет отказался выделить даже мешок свинца на починку».

Дамиан на мгновение замолчал, и в тишине лестницы его голос прозвучал с глухой, невысказанной болью:

«Моя мать погибла здесь, в Святилище, в ту самую ночь, когда раскололся кристалл. Мне было девять лет. Я помню этот страшный взрыв, сотрясший горы, помню, как погас огонь в каминах, и как ее тело вынесли на руках, покрытое ледяным панцирем. Я поклялся, что верну жизнь в эту обитель. Чего бы мне это ни стоило».

Я посмотрела на его широкую спину и почувствовала, как волна искреннего, глубокого сочувствия вытесняет последние остатки обиды на его резкость.

Лестница оборвалась перед гигантским порталом, высеченным в виде раскрытой пасти дракона. Челюсти чудовища служили косяками, а зубы - массивными каменными упорами. За порталом открывался колоссальный круглый зал, и при виде его я невольно замерла, выронив бы сундучок, если бы пальцы не вцепились в ручку мертвой хваткой.

Это было Святилище Сердца.

Зал поражал воображение циклопической мощью. Двенадцать массивных базальтовых колонн, вырубленных в форме гигантских змей, упирались в теряющийся во мраке купол. Каждая колонна олицетворяла одного из Древних Владык Пламени, держащих свод неба. Пол зала представлял собой сложнейшую концентрическую мозаику из черного гранита, белого кварца и полос чистой меди толщиной в ладонь. Но все эти контуры, когда-то пульсировавшие чистой энергией, сейчас были мертвы. Медные жилы покрывал толстый слой зеленоватого окисла и сизого инея.

А в самом центре зала, на ступенчатом возвышении, покоился алтарь.

Сам монолит Сердца Вереска превосходил все мои ожидания. Это был колоссальный кристалл полиморфного берилла размером с крупного жеребца. Он переливался сложными

оттенками от глубокого индиго до нежно-лилового, напоминая застывшую каплю ночного неба, пойманную в гранитные тиски.

Но этот шедевр древних мастеров был смертельно ранен.

Через весь кристалл, от острого верхнего шпиля до самого основания, пролегала глубокая, рваная трещина шириной в три пальца. Края излома были оплавлены, иззубрены и покрыты уродливыми наростами мертвого серого шлака. Из глубины раскола непрерывно сочился белесый, клубящийся туман - первородное ледяное дыхание Разлома, от которого каменные ступени алтаря звенели и крошились, словно перекаленное стекло.

«Вот оно», - негромко произнес Дамиан, останавливаясь в пяти шагах от возвышения. Огонек над его ладонью дрогнул, отразившись в гранях мертвого камня тысячами холодных бликов. «Сердце Академии. Сердце всей оборонительной линии Кряжа».

Я медленно подошла к алтарю, забыв о страхе перед герцогом и сковывающем холоде. Во мне проснулся профессионал. Тот самый въедливый, упрямый мастер, который видел сломанную вещь и не мог успокоиться, пока не поймет причину поломки.

Я опустилась на колени перед кристаллом, поставила сундучок на ступени и осторожно сняла шерстяную перчатку.

«Не прикасайся голой рукой!», - предостерег Дамиан, делая резкое движение вперед. «Скверна на краях излома мгновенно проморозит мясо до кости!»

«Не учите меня обращаться с минералами, ваша светлость», - тихо, но твердо ответила я. «Если бояться холода, незачем было спускаться в эту могилу».

Я выдохнула на ладонь теплое облачко воздуха, активировала внутреннее зрение и прижала подушечки пальцев к гладкой грани кристалла в дюйме от края трещины.

Меня словно ударило ледяным обухом.

Сознание на миг померкло от шквала сырой, неуправляемой боли. Кристалл не был просто камнем - он был живым накопителем гигантской емкости, в котором столетиями циркулировали потоки первородных стихий. Сейчас эти потоки метались внутри замкнутых контуров, разбиваясь о стенки трещины, порождая колоссальное внутреннее напряжение. Каждый новый день это напряжение росло. Рано или поздно кристалл не выдержит и расколется на сотни осколков. И тогда взрыв снесет половину горного хребта, а высвободившийся холод Разлома хлынет в долины, замораживая города и пашни на сотни миль вокруг.

Но было и кое-что еще. Гораздо более страшное и коварное.

Я заскользила пальцами вдоль кромки излома, всматриваясь в микроструктуру оплавленного кремния. В глубине трещины, там, где камень казался почти черным, я увидела крошечные, едва заметные капли странного серебристо-серого налета. Они не замерзали, несмотря на чудовищный мороз, а мерцали тусклым ртутным блеском, методично разъедая кристаллическую решетку берилла.

«Хладная ртуть», - прошептала я, и мороз пробежал по моей спине вовсе не от сквозняка. «Запрещенный стихийный алкалоид. Вещество, растворяющее магические швы изнутри».

Дамиан замер. Его высокая фигура напряглась, словно натянутый стальной трос катапульты, а в глазах полыхнул холодный сапфировый огонь. Он подошел вплотную, и от его плаща пахнуло горьким ветром и сухим жаром драконьего дыхания.

«Ты уверена в том, что говоришь, Торн?», - в его голосе прорезался опасный, низкий рокот, от которого завибрировали хрустальные подвески под сводом. «Столичная комиссия во главе с верховным магистром три года назад постановила, что авария произошла из-за естественной усталости гранитной плиты и нестабильности геомагнитных пластов. Ни о каких ядах в официальном докладе не было ни слова».

«Ваша столичная комиссия либо состояла из слепцов, либо из тех, кто эту ртуть сюда и доставил», - отрезала я, не отнимая руки от холодного камня. «Взгляните сами, если у вас хватит смелости опуститься на колени рядом с простым ремесленником. Видите тонкую фиолето-

вую кайму по краю каверны? Это след окисления ртути в присутствии высокочастотного лазурного огня. Кто-то целенаправленно нанес раствор на кристалл перед самым запуском защитной сети, зная, что при первой же боевой нагрузке ядро разорвет изнутри».

Герцог медленно опустился на одно колено рядом со мной. Наше плечо разделяло всего несколько дюймов. Я чувствовала исходящий от него нестерпимый жар, странным образом сочетавшийся с леденящей аурой смертоносного клинка. Он наклонился так близко, что его темная прядь волос коснулась моей щеки, заставив кожу мгновенно вспыхнуть мурашками.

«Ты понимаешь, что сейчас подписала себе смертный приговор, если эти слова выйдут за пределы этого зала?», - тихо, почти на ухо произнес он. Его дыхание обожгло мою мочку, и я с трудом подавила судорожный вдох. «Тот, кто двадцать лет назад подсыпал хладную ртуть в алтарь, сейчас заседает в Верховном Совете Короны. И он сделает все, чтобы ни один мастер не вернул Академии ее былую мощь».

«Мой брат умирает в вашем лазарете, ваша светлость», - я повернула голову, встретившись с его невыносимо близким, пугающим взглядом. «Я уже стою на краю могилы вместе с ним. Так что пугать меня столичными интриганами бесполезно. Давайте мне расплавленный адамантин, серебряную проволоку и доступ к нижним распределительным узлам. Я залатаю этот камень. А вы позаботьтесь о том, чтобы Себастьян получил лучшую кроветворную настойку и тепло».

Дамиан смотрел на меня долгие, томительные секунды, словно пытаясь разглядеть на самом дне моих зрачков фальшь или страх. Но нашел лишь упрямство и несгибаемую волю.

Дамиан мгновенно оказался рядом. Он опустился на одно колено рядом со мной, и волна его сухого жара окутала мои замерзшие плечи, прогоняя леденящий ужас.

«Что ты сказала?», - его голос звучал так тихо и опасно, что у меня перехватило дыхание.

«Этот кристалл раскололся не от естественной усталости материала двадцать лет назад», - я повернула к нему голову, и наши лица оказались на расстоянии ладони. Я видела каждую золотую крапинку в его лазурных зрачках, видела напряженную жилку на его виске. «И не от природного давления Разлома. В центральный питающий канал был введен яд. Жидкий состав на основе рудного мышьяка и мерзлой ртути. Он разрушил внутренние связки ядра, и при первой же попытке подать максимальную мощность кристалл разорвало изнутри».

Герцог замер. Его челюсти сжались с такой силой, что послышался сухой хруст.

«Ты уверена в этом, Торн?»

«Я реставратор, герцог. Мой отец учил меня распознавать следы естественного излома от химического подреза. Естественный излом дает зернистый скол под углом в сорок пять градусов. А здесь - идеально ровный срез, оплавленный кислотой. Но самое страшное не это».

Я осторожно достала из чехла узкий серебряный щуп, подцепила крошечную серебристую капельку из глубины трещины и поднесла к свету лазурного огонька.

Капля была свежей. Она мягко перекатывалась по полированному металлу, испуская тончайшую струйку едкого белого дыма с отчетливым миндальным запахом.

«Этому налету не двадцать лет, милорд», - отчеканила я, глядя прямо в его пылающие глаза. «Кто-то обновил отраву совсем недавно. Максимум три-четыре дня назад. Тот, кто ходит по коридорам вашей Академии, ест за вашим столом и носит офицерский или магический мундир, методично добивает Сердце Вереска, чтобы защитный купол рухнул окончательно, похоронив под снегом весь гарнизон».

Дамиан медленно поднялся во весь рост. Воздух вокруг него заколебался от нестерпимого жара, лазурное пламя над его ладонью вытянулось в узкий, ревущий клинок, а тени на стенах Святилища изогнулись, принимая очертания гигантских драконьих крыльев.

«Предательство», - прорычал герцог, и этот звук заставил содрогнуться древние своды. «Внутри моих собственных стен. Прямо у меня под носом».

Он посмотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде смешались ярость, боль и темный, непреодолимый азарт.

«Ты сможешь нейтрализовать яд и связать трещину, Эвелина?»

Я поднялась следом, отряхивая колени и чувствуя, как внутри разгорается упрямое пламя профессионального вызова.

«Смогу. Но мне понадобятся не придворные заклинания, а чистые связующие металлы, вытяжка из цветущего пепельного вереска, чтобы нейтрализовать ртуть, и полный доступ к закрытым архивам Академии. А главное - мне понадобится ваше пламя. Настоящее драконье пламя высшей пробы, чтобы сплавить швы. Ни один другой огонь не прогреет этот монолит».

Дамиан сделал шаг вперед, сокращая разделявшее нас расстояние до предела. Его горячая ладонь легла мне на затылок, пальцы запутались в выбившихся из косы волосах, заставляя меня запрокинуть голову. Его дыхание обожгло мои губы.

«Мое пламя в твоем распоряжении, госпожа мастер», - прошептал он, и от звука его голоса сладкая дрожь прошила все мое тело до кончиков пальцев. «Но помни: если ты солгала мне, я сожгу тебя вместе с этим алтарем. А если сказала правду... мы заставим этих крыс захлебнуться собственным ядом».

Он отпустил меня так же внезапно, как и притянул, оставив на моей коже пылающий след своего прикосновения.

И в этот момент сверху, из вентиляционной шахты, донесся приглушенный толщей камня, но отчетливый вой тревожного гарнизонного рожка, возвещающий о новой беде.

Глава 4. Заброшенное крыло

Гарнизонная тревога, прозвучавшая в подземельях Святилища, оказалась лишь плановой учебной проверкой готовности внешних дозорных постов, но ее сухой, тревожный вой еще долго стоял в ушах, напоминая о том, что мы находимся не на безопасной столичной ярмарке, а на переднем крае вечной, беспощадной войны с Разломом.

Дамиан Крейг отдал короткий приказ коменданту Валлену усилить караулы у входа в подземные штольни и проверить все замки складов взрывчатых веществ, а нам с Майрой выделил пустующие жилые помещения в восточном флигеле цитадели.

«Это крыло не отапливалось добрых семь лет», - предупредил Валлен, когда вел нас по длинной полутемной анфиладе второго яруса, освещая путь коптящим масляным факелом. «Раньше здесь жили преподаватели и старшие мастера кафедры прикладной кинетики. Сейчас там только вековая пыль, битые склянки, сквозняки да летучие мыши. Но в главном корпусе свободны только общие солдатские казармы, а селить молодую барышню среди сотни неотесанных пограничных рубак его светлость категорически запретил. Сказал, если хоть один солдат позволит себе лишний сальный взгляд - отправится в пеший дозор на ледник без снегоступов и тулупа».

«Пыль, сквозняки и мыши меня совершенно не пугают, господин комендант», - спокойно отозвалась я, придерживая подол дорожного платья, чтобы не собирать серую паутину со стен. «Главное, чтобы крыша не текла на постель, дымоход камина исправно держал тягу, а дубовые двери надежно запирались изнутри крепким засовом».

Восточный флигель действительно производил удручающее, но при этом удивительно благородное впечатление древнего мастерства.

Когда Валлен с натужным, скрипучим скрежетом провернул массивный медный ключ в замочной скважине и распахнул тяжелую дверь, нам в лицо пахнуло затхлым холодом, запахом застарелой сырости, сухого пергамента и мышиного помета. Просторная гостиная с полукруглым эркером, выходившим на заснеженные скалы Кряжа, утопала в сизых сумерках. Вдоль стен выстроились громоздкие дубовые шкафы с пустыми полками, посреди комнаты сиротливо темнел массивный стол на резных львиных лапах, а в углу высилась громада углового камина, выложенного синими изразцами с полустертыми изображениями крылатых драконов. В соседней спальне стояла широкая кровать с высоким балдахином, на которой темнел матрас, набитый потемневшей от времени сухой осокой.

На широком подоконнике эркера сиротливо стоял замерзший стеклянный террариум, в котором когда-то жили магические светляки, а на стеллаже валялся разбитый медный астролябий с выпавшими шестернями.

«Уютно, словно в фамильном склепе древних баронов», - пробормотала Майра, ставя на пол свой тяжелый лекарский короб и зябко поводя плечами. «Если мы не разведем здесь добрый огонь через полчаса, к утру нас можно будет выносить на ледник в качестве мраморных статуй».

«Уголь и сухое березовое полено доставят через четверть часа», - пообещал Валлен, виновато кашлянув в кулак. «Дежурный солдат принесет чистое льняное белье, масляные лампы и шерстяные попоны из интендантского склада. А мне нужно срочно в караулку. Если что понадобится - дежурный пост на лестничной клетке».

Комендант оставил нам факел, воткнув его в железное настенное кольцо, и зашагал прочь, тяжело стуча подковами по каменным плитам коридора.

Стоило его шагам затихнуть, как Майра опустилась на единственный целый стул и устало уронила голову на руки:

«Эви, скажи мне честно: мы совершили самую большую глупость в жизни или сразу две? Этот герцог... он же смотрит так, будто готов вырвать хребет за лишний вздох. В его глазах горит огонь, от которого мурашки по коже бегут. А Себастьян? Григ сказал, что стабилизирующего зелья хватит максимум на трое суток. Если мы не снимем скверну с его груди, он просто уснет и больше никогда не проснется».

Я подошла к подруге, положила теплые ладони ей на плечи и ободряюще сжала их:

«Себастьян не уснет, Майра. Я видела Сердце Вереска своими глазами. Трещина страшная, но кристаллическая матрица жива. Ее можно стянуть. А пока я буду рассчитывать формулу шва по отцовским чертежам, нам нужно превратить эту ледяную берлогу в нормальное жилье и мастерскую. В холоде притиры расслаиваются, а серебряный припой теряет вязкость».

Я скинула дорожный тулуп, оставшись в простом шерстяном платье и рабочем кожаном жилете, и подошла к изразцовому камину.

Камин был сложен на совесть, но чугунная заслонка намертво прикипела к дымоходу от многолетней ржавчины. Я опустилась на колени перед топкой, достала из чехла узкое зубило и баночку с очищенным терпентином. Смазав петли пахучим маслом, я приложила ладонь к чугунной ручке и пустила по металлу тонкий вибрирующий импульс кинетического резонанса.

Ржавчина внутри пазов сухо щелкнула, превращаясь в мелкий бурый порошок. Заслонка подалась с мягким скрипом, открывая тягу. Из дымохода донесся гулкий свист горного ветра, вытянувший наружу застоявшийся дух сырости.

Вскоре дежурный солдат притащил обещанную корзину сухих березовых поленьев, мешок каменного угля и охапку свежего постельного белья, пахнущего морозным воздухом и щелоком.

Через десять минут в камине уже весело потрескивали смолистые березовые ветки. Оранжевые языки пламени жадно лизали бересту, бросая на замшелые стены пляшущие теплые блики. Комната начала медленно, неохотно оттаивать. Со старых стекол потекли прозрачные струйки талой воды, а по полу пополз долгожданный сухой жар.

Майра ловко пристроила над углями закопченный медный котелок, бросив туда щепотку сушеных ягод брусники, палочку горной корицы и сухие соцветия вереска. Воздух в промерзшей комнате мгновенно наполнился терпким, домашним ароматом лесного чая. Моя подруга довольно улыбнулась, потирая озябшие ладони:

«Вот теперь это хоть немного похоже на человеческое жилье, Эви. Если нам суждено воевать с ледяным Разломом, то по крайней мере спать мы будем в тепле и с сытым брюхом».

«Ты никогда не пропадешь, Майра», - улыбнулась я, с благодарностью принимая из ее рук дымящуюся кружку. «Даже в ледяном склепе умудришься устроить уютную кухню».

Но настоящего тепла от одного камина в такой громаде камня ждать не приходилось.

Я вспомнила слова герцога о подземных тепловых каналах. Опустившись на колени возле плинтуса, я провела пальцами по широким плитам черного гранита. Под слоем вековой пыли отчетливо прощупывались узкие медные заглушки радиаторных швов - часть древней отопительной системы Академии.

«Майра, подай мне разводной ключ номер четыре и бутыль со спиртовым экстрактом вереска», - скомандовала я, закатывая рукава.

«Ты собираешься ковырять замковую систему отопления?» - подруга подозрительно прищурилась, но нужный инструмент протянула. «А если тебя ошпарит кипятком или рванет перегретым паром?»

«Там нет кипятка уже двадцать лет», - усмехнулась я, поддевая граненую медную гайку. «Там застряла воздушная пробка из мерзлого стихийного конденсата. Если ее пробить и связать трещину на обратном клапане, тепло от нижних кузниц пойдет прямо в наш эркер».

Работа с медными каналами требовала ювелирной точности. Металл за десятилетия промерз и стал хрупким, словно сухое дерево. Я зажгла на кончике среднего пальца синий огонек

конструктивной магии и медленно повела им вдоль треснувшего стыка трубы, размягчая медь и накладывая укрепляющую серебряную спираль.

Канал глухо забулькал. Где-то в глубине стены послышался тяжелый, нарастающий гул, словно проснулся замурованный в камне великан. Затем раздался громкий щелчок, шипение стравливаемого пара, и широкая гранитная плита под моими коленями внезапно налилась ровным, густым, живительным теплом.

«Получилось!» - восторженно ахнула Майра, прижимая ладони к полу. «Эви, ты просто волшебница! Здесь теплее, чем в лавке пекаря в базарный день!»

Через час наше заброшенное пристанище преобразилось до неузнаваемости.

Мы вымели вековой сор, протерли дубовый стол смоченным в лавандовой воде полотенцем, застелили кровать свежим бельем и разложили на широких полках стеклянные колбы, спиртовки, фарфоровые ступки и пучки сушеных трав. В центре комнаты, на чугунной треноге над углями камина, уже весело побулькивал пузатый медный котелок, в котором Майра заварила крепкий сбитень из сушеного можжевельника, горного меда, корня девясила и щепотки тертого имбиря. Пряный, сладковатый аромат наполнил комнату, окончательно вытеснив запах тлена и запустения.

Мы сидели за столом, с наслаждением обжигая губы горячим пряным напитком из глиняных кружек, когда в тишине комнаты раздался странный шорох.

Звук доносился сверху, из полуразрушенной вентиляционной решетки под самым потолком.

Майра замерла с кружкой у рта:

«Мыши?», - Майра нервно повела плечом, поплотнее запахивая свой стеганый жилет. «Или в этих старых стенах водятся призраки замерзших профессоров, которые приходят требовать назад свои недописанные диссертации?»

«Призраки не шумят железом, Майра», - тихо ответила я, с улыбкой качая головой. «Отец всегда говорил, что за каждым призраком в старых замках обычно скрывается либо забитый сажей дымоход, либо крылатая тварь, решившая погреться у теплой трубы. Но латунная линейка в руках еще никому не мешала при знакомстве с неизвестным».

«Слишком громко для мыши», - прошептала я, вставая из-за стола и беря в руку тяжелую латунную линейку. «Мышь не гремит металлом».

Шорох повторился. Из квадратного отверстия вентиляции высунулась сначала черная бархатная мордочка с круглыми блестящими глазками-бусинками и белыми усами, затем показались два крошечных крылышка, покрытых мягким серебристым пухом, и наконец на пол ловко спрыгнул зверек величиной с крупную кошку.

Это был крылатый снежный хорек.

Зверек потряс пушистым хвостом, расправил полупрозрачные кожистые крылья, похожие на крылья летучей мыши, и с любопытством уставился на нас. В его острых зубах блестел массивный серебряный болт с резьбой, явно стащенный из какой-то механической мастерской.

«Ой, какая прелесть!» - воскликнула Майра, мгновенно растаяв при виде забавного создания. «Это же северный летучий горностай! Они водятся только на самых высоких ледниках!»

Зверек принюхался к аромату кипящего сбитня, уронил болт на ковер и умильно присел на задние лапки, издавая тихое птичье курлыканье.

«Лютик, негодный воришка! А ну верни деталь на место, мерзкое отродье ледников!» - раздался из коридора старческий, дребезжащий от ярости голос, сопровождаемый шарканьем стоптанных туфель.

В дверном проеме показался сухопарый старик в длинной, побитой молью мантии темно-синего сукна, подпоясанной веревкой от колокольного каната. Его седая борода, торчавшая во все стороны клинышком, доставала до самого пояса, на крючковатом носу сидели круглые

очки в медной оправе с пятью откидными стеклами разного увеличения, а под мышкой он сжимал тяжелый кожаный фолиант с латунными застежками.

Увидев нас, старик замер на пороге, поправил очки и сердито насупился:

«Так, а это еще кто такие? Что за балаган в восточном крыле? Почему здесь пахнет жареным медом и дегтем? Кто разрешил занимать профессорские покои без согласования с библиотечным комитетом?!»

«Библиотечный комитет упразднен пятнадцать лет назад, уважаемый», - спокойно ответила я, опуская линейку на стол. «А распоряжение отдал лично герцог Крейг. Я Эвелина Торн, мастер по реставрации швов. А это Майра Линч, травница».

Старик подслеповато уставился на меня сквозь тройные линзы:

«Торн? Дочь старого Артура Торна? Того самого, что чинил линзы телескопа в семьдесят третьем году?»

«Да. Его дочь».

Выражение лица старика мгновенно переменилось. Спесь слетела с него, уступив место живому, ненасытному научному интересу. Он шагнул в комнату, шумно втянул носом воздух и вдруг замер, уставившись на теплые гранитные плиты пола:

«Постойте... Вы запустили нижний обратный клапан третьего теплового контура? Сами? Без чертежей гидравлической развязки?»

«С чертежами любой дурак справится», - пожала плечами я. «А здесь нужно было просто почувствовать, где металл устал от давления, и положить компенсационный шов из серебра. Прошу к столу, господин архивариус. Сбитень еще горячий, а ваш пернатый разбойник, кажется, претендует на сухари».

Хорек, услышав свое имя, подбежал к старику, взбежал по его мантии прямо на плечо и потерся мордочкой о седую щеку.

«Бертран Олсен, старший хранитель архива и рукописного фонда этой замерзшей богадельни», - представился старик, не без удовольствия принимая из рук Майры кружку с ароматным сбитнем. «А этого паразита зовут Лютик. Он ворует все, что блестит, и прячет в вентиляционных шахтах. Но раз вы дочь Артура... значит, слухи не врут. Черный Дракон действительно притащил в замок живого мастера швов, чтобы заштопать Сердце».

Архивариус сделал большой глоток, блаженно зажмурился и тяжело вздохнул:

«Опасное это дело, девочка. Ох, опасное. Ты хоть представляешь, во что ввязалась?»

«Представляю лучше, чем вы думаете», - тихо сказала я, присаживаясь напротив него. «Я спускалась в Святилище. На изломе кристалла свежие следы хладной ртути. Сердце травят целенаправленно. И тот, кто это делает, находится внутри Академии».

Бертран Олсен не удивился. Он лишь помрачнел, и его худые пальцы судорожно сжались на теплой глине кружки:

«Я догадывался, дочка», - глухо отозвался старик, и его глаза за толстыми линзами потемнели от давней, не утихающей горечи. «Двадцать лет эта крепость медленно умирает, и все эти двадцать лет в столицу идут бодрые отчеты о том, что пограничный рубеж надежно держится. А на самом деле здешний гарнизон брошен на выживание. Лорд Огюст де Монклер через своих людей в Тайном Совете методично срезал довольствие, закрывал снабжение углем, блокировал закупку реставрационных металлов. Старые чертежи аварии двадцатилетней давности... страницы из журнала дежурств за ту роковую ночь были грубо вырваны. Кто-то очень не хочет, чтобы тайна того взрыва выплыла наружу. Но сегодня этот кто-то снова занервничал. Лютик!»

Старик сердито щелкнул пальцами перед носом зверька. Хорек встрепенулся, спрыгнул на стол и виновато закурлыкал.

«Этот негодник полчаса назад шуровал в шахтах под кабинетом декана теоретической магии, профессора Годфри Малверна», - негромко проговорил Бертран, оглядываясь на приоткрытую дверь. «Он утащил не только серебряный болт. Лютик, выплюнь вторую добычу!»

Хорек неохотно разжал челюсти и выкатил на дубовую столешницу небольшой тяжелый предмет.

Это была тонкая свинцовая трубка, запечатанная с обоих концов герметичной смолой. Но поразило меня другое: на свинце был выдавлен тайный знак столичного казначейства - золотая лилия, обвитая терновым венком, личный символ дома Монклер.

«Тайная почта», - прошептала Майра, отставляя кружку. «Связной цилиндр для агентов влияния».

Я взяла трубку в руки. Металл был холодным, но сквозь свинец отчетливо пробивался едва уловимый, знакомый запах миндаля и мерзлой ртути.

И в этот миг за дверью флигеля раздались быстрые, властные шаги, сопровождаемые шелестом дорогих шелковых юбок и звоном серебряных шпор.

Глава 5. Чертежи древних мастеров

Тяжелые шаги в коридоре затихли перед самой нашей дверью. Секундой позже массивная дубовая створка с грохотом распахнулась, со всего размаха ударившись о каменную стену, и на пороге возник человек, чей весь вид буквально кричал о смертельно задетом барском самолюбии.

Это был мужчина лет пятидесяти с холеным, одутловатым лицом, зачесанными назад напудренными седеющими буклями и маленькими колючими глазками цвета мутной речной воды. На нем была роскошная мантия из темно-пурпурного бархата, пышно отороченная горностаем - парадное облачение профессора высшей категории столичного академического образца. На его пухлых, холеных пальцах поблескивали тяжелые золотые перстни с крупными сапфирами, а в воздухе комнаты мгновенно разлился тяжелый, удушливый аромат дорогого кельнского одеколона, смешанный с едким запахом горького трубочного табака.

За его широкой спиной испуганно маячили двое младших адептов в серых форменных куртках, переминавшихся с ноги на ногу и судорожно прижимавших к груди папки с гербовыми казенными бумагами.

«Что здесь происходит?!» - визгливым, высокомерным фальцетом закричал вошедший, брезгливо оглядывая сияющие чистотой сосновые половицы, жарко пылающий камин и пузатый медный котелок с кипящим сбитнем. «Олсен! Вы опять потворствуете неслыханному самоуправству невежественных плебеев? На каком основании в служебные апартаменты профессуры заселили посторонних девиц сомнительного ремесла без моего личного визирования?»

Бертран Олсен даже не подумал встать со своего удобного кресла. Он неторопливо сделал еще один смачный глоток горячего сбитня, поправил свои многослойные круглые очки и насмешливо прищурился на непрошеного гостя:

«Добрый вечер, декан Малверн. Как отрадно видеть, что ваше драгоценное здоровье позволяет вам так резво и бодро преодолевать три крутых гранитных лестничных пролета. А основания самые законные и неоспоримые: прямой служебный ордер коменданта крепости и официальный трудовой контракт с личной гербовой печатью его светлости лорда-ректора. Вы ведь еще помните, как выглядит лазурная драконья печать, Годфри? Или при столичном дворе вас окончательно отучили уважать гербовый сургуч и суровые законы пограничного военного времени?»

Профессор Годфри Малверн моментально побагровел до самых корней волос. Его водянистый взгляд метнулся к дубовому столу, скользнул по разложенным чертежным инструментам, банкам с очищенными реактивами и впился в меня с неприкрытой сословной ненавистью.

«Значит, мерзкие слухи не врут», - процедил он сквозь зубы, выступая вперед и нависая надо мной, обдавая волной табачного перегара. «Его светлость в своем старческом безумии опустился до того, что доверил государственную безопасность цитадели сопливой девчонке с улицы. Вы хоть понимаете, милочка, куда вы сунули свой неотесанный нос? Теоретическая магия - это наука высшего сакрального порядка, требующая тридцати лет строгого академического затворничества, глубокого погружения в трансцендентные структуры эфира, а не деревенского лужения ржавых медных чайников!»

Я спокойно поднялась из-за стола, расправив плечи и скрестив руки на груди. Лютик тем временем ловко скользнул под холщовый мешок с сушеным вересковым корнем, надежно спрятав тяжелый свинцовый цилиндр от чужих жадных глаз.

«Деревенское лужение чайников, господин декан, подчиняется ровно тем же самым фундаментальным законам термодинамического равновесия, что и ваши столичные многотомные трактаты», - отчетливо и холодно отчеканила я, глядя ему прямо в водянистые зрачки и не

отступая ни на полдюйма. «С той лишь существенной разницей, что если у меня лопнет паечная заклепка, я получаю всего лишь легкий ожог на пальцах. А вот если у вас лопнет кабинетная теория - замерзает весь пограничный перевал вместе с людьми. Вы изволили написать тридцать томов о кинетическом сопротивлении гранита, но не заметили самого элементарного. Нижний обратный клапан третьего теплового контура, который вы по недомыслию приказали запечатать семь лет назад, был спроектирован древними зодчими с компенсационным тепловым зазором в полдюйма. Ваша ученая комиссия посчитала его браком литья и забила глухой свинцовой пробкой, из-за чего тепло перестало поступать в жилые корпуса. Я удалила эту пробку сорок минут назад. Можете проверить лично: плиты под вашими модными сапогами уже теплые».

Малверн машинально опустил растерянный взгляд вниз. Его сапоги из тончайшей шевровой кожи действительно ощущали мягкий, ровный, поднимающийся снизу живой жар, идущий от векового гранита. Лицо декана пошло некрасивыми бурыми пятнами, дыхание со свистом сбилось. Адепты за его спиной переглянулись, торопливо пряча ехидные ухмылки в высокие воротники форменных курток.

«Дерзость! Неслыханная ремесленная спесь и базарная наглость!», - зашипел профессор, сжимая пухлые кулаки так, что перстни с сапфирами больно впились в кожу. «Вы вмешиваетесь в закрытую инженерную сеть Академии без письменного согласования с Ученым советом! Вы попираете субординацию! Я немедленно составлю обстоятельный рапорт о саботаже и отправлю срочного курьера в Совет Магистров Столицы! Вы покинете эту цитадель в кандалах, госпожа Торн! А вы, Олсен... ответите за укрывательство государственной измены перед трибуналом!»

«Подавайте рапорт, Годфри, непременно подавайте», - благодушно махнул рукой старый архивариус, отхлебывая еще глоток ароматного напитка. «Гербовая бумага все стерпит, особенно казенная. Только чернила экономьте: герцог очень не любит длинных доносов, когда у него в лазарете умирают офицеры разведки, а за стенами собирается буран. И не забудьте надеть теплые калоши, когда пойдете жаловаться: на парадной лестнице сквозняк, как бы ваши драгоценные связки не простудились на ветру».

Малверн еще раз яростно сверкнул маленькими глазками, шумно втянул носом воздух, резко крутанулся на каблуках, взметнув полы бархатной мантии, и вымелся вон, звучно хлопнув дверью. Перепуганные адепты торопливо посеменили следом по коридору, стараясь не попадаться под горячую руку разъяренного начальника.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь уютным потрескиванием березовых поленьев в камине.

Майра медленно и шумно выдохнула, доставая из-под холщового мешка свинцовый цилиндр и бережно укладывая его на чистую льняную салфетку:

«Ну и фрукт. От него за версту разит ядовитой гнилью и липким страхом. Эви, ты заметила, как жадно он косился на вентиляционную решетку? Он прибежал сюда вовсе не из-за тепла в полу. Он искал эту трубку. Он прекрасно знает, что Лютик что-то утащил из его потайного кабинета».

Я подошла к столу и поднесла свинцовую гильзу ближе к свету масляной лампы. Металл тускло блестел, на стыке резьбовой крышки темнел ободок защитного воска.

«Смотри на оттиск пломбы», - указала я кончиком стилуса. «Это не казенная печать ректората и не символ Академии. В центре выбит стилизованный ворон, держащий в клюве сломанную стрелу. Личный тайный вензель столичного казначейства, принадлежащий лорду Монклеру. А по внешнему ободу выбиты руны гильдии черных рудокопов - контрабандистов, которые скупают неочищенный берилл из горных жил и нелегально переправляют его через южные перевалы».

«Выходит, наш почтенный профессор Малверн не просто напыщенный индюк», - прищурилась Майра, доставая из поясной сумки латунную пипетку с реагентом и осторожно капая прозрачную каплю на шов свинца. Раствор тихо зашипел, окрашиваясь в тревожный бирюзовый цвет. «Он систематически обкрадывает склады собственной Академии, списывая высокосортные кристаллы на естественный распад и аварийные утечки, а взамен получает столичные векселя и покровительство дома Монклер».

«Именно поэтому защитный купол слабел с каждым годом», - горько усмехнулась я. «Столичные лорды методично обескровливали Север, создавая видимость полной недееспособности герцога Крейга. Чем слабее гарнизон и Академия, тем проще заставить Дамиана плясать под столичную дудку или вовсе объявить его земли бесхозными и передать шахты в аренду частным синдикатам».

Бертран скорбно покачал седой головой, его морщинистые щеки задрожали от гнева:

«Какая низость... Предать рубежи империи ради набитых золотом сундуков! А ведь двадцать лет назад основатели верили каждому слову столичных попечителей».

«Именно поэтому мы не отдадим ее коменданту прямо сейчас», - тихо и серьезно произнес Бертран Олсен, поднимаясь на ноги и отряхивая крошки табака с бороды. «Малверн хитер, как старый полярный волк, и у него огромные влиятельные связи при столичном дворе. Если мы предъявим эту трубку без железных вещественных доказательств, он объявит, что ее подбросила ты, Эвелина, чтобы очернить честного профессора и выслужиться перед ректором. Нам нужны неопровержимые факты. Идем со мной, девочка. Пора открыть тайное хранилище, куда этот напыщенный индюк безуспешно мечтает пролезть последние двадцать лет».

Майра осталась во флигеле готовить свежий успокоительный отвар для Себастьяна, а мы со стариком и Лютиком, удобно устроившимся на плече хозяина, спустились по винтовой лестнице на нижний библиотечный ярус.

Подземный архив Академии Равновесия напоминал гигантскую карстовую пещеру, высеченную в теле гранитной горы. Ряды исполинских стеллажей из мореного дуба уходили во тьму на сотни ярдов, теряясь в дрожащем сизом сумраке. Воздух здесь был сухим, плотным, напоенным вековым запахом старого пергамента, сургуча, сушеной полыни и книжного клея. Здесь хранилась память пяти веков северного пограничья.

Бертран подвел меня к глухой каменной стене в самом дальнем тупике архива, где не горели даже аварийные светящиеся кристаллы. Достав из-за пазухи массивный фигурный ключ из темной бронзы, покрытый тончайшей насечкой защитных рун, он вставил его в неприметное отверстие между каменной кладкой и провернул три раза по часовой стрелке.

Стена дрогнула с низким, утробным гулом. С тихим шелестом монолитная каменная плита весом в несколько тонн плавно ушла вглубь и сдвинулась в сторону, открывая вход в Тайную Палату Чертежей.

«Сюда не ступала нога ни одного столичного ревизора со дня Великой Аварии», - благоговейно прошептал старик, зажигая масляный светильник с лавандовым фитилем. «Здесь хранятся подлинные расчеты Первых Драконов и твоего покойного отца».

Посреди круглой комнаты стоял широкий наклонный стол из белого мрамора, на котором лежали тяжелые кожаные тубусы, запечатанные сургучными пломбами с гербами основателей. Бертран бережно извлек из центрального тубуса огромный лист плотной вощеной бумаги, исчерченный тончайшими линиями туши, и развернул его передо мной.

У меня перехватило дыхание.

Это был генеральный чертеж кристаллической матрицы Сердца Вереска.

Сотни сложнейших геометрических узлов переплетались в изящную фрактальную сеть, напоминающую строение снежинки колоссальных масштабов. Каждый луч кристалла отвечал за свой диапазон стихийных частот: лазурный сектор удерживал границу Разлома, золотой питал тепловые магистрали, белый держал отражающий купол от небесных бурь.

Но самое главное - на широких полях чертежа мелким, четким, до боли знакомым почерком были сделаны пометки на чистом северном ремесленном диалекте.

Это был почерк моего отца. Артура Торна.

«Отец работал здесь...», - прошептала я, проводя кончиками пальцев по пожелтевшему краю листа. Мое зрение затуманилось от внезапно нахлынувших слез. На одном из углов чертежа чернилами был нарисован крошечный цветок вереска, а рядом стояла кривая детская закорючка - мой собственный детский рисунок, который отец бережно перенес на государственный документ.

«Артур был подлинным гением конструктивной мысли», - тихо подтвердил Бертран, снимая очки и протирая стекла полой мантии. «Он понял то, чего не желали признавать чванливые академики: драконье пламя невозможно удержать жесткой стальной решеткой или мертвым гранитом. Пламя - это живая, дышащая стихия. Оно требует эластичного, дышащего шва. Твой отец разработал уникальную формулу сплава, способного соединить кристаллическую решетку берилла с биологической тканью горного вереска».

Бертран подошел к тяжелому кованому сундуку в углу тайной палаты, дважды провернул бронзовый ключ в фигурном замке и с благоговейным трепетом откинул массивную дубовую крышку.

«Перед тем как покинуть Академию под давлением столичных интриганов, твой отец оставил здесь это», - старик бережно извлек из сундука длинный футляр из темного орехового дерева, инкрустированный тончайшей серебряной филигранью в виде цветущих побегов вереска. «Он сказал мне: Бертран, придет день, когда горы вновь содрогнутся, и столица предаст Север. Тогда отдай это тому из Торнов, чьи руки помнят живой голос металла».

Я благоговейно открыла крышку футляра. На темно-синем бархате лежали отцовские рабочие инструменты. Тончайшие калибровочные стилусы из лунной стали, гравировальные резцы с рубиновыми наконечниками и тяжелый защитный фартук из выдубленной чешуйчатой кожи, на груди которого золотым тиснением был выбит древний девиз нашего ремесленного рода: «Связуем нерушимо».

Мои пальцы мелко дрожали, когда я коснулась гладких полированных рукоятей, хранивших тепло рук моего отца. Лютик бесшумно вспорхнул мне на плечо, забавно повел влажным носом и лапкой подтолкнул ко мне маленькую восьмигранную призму из горного хрусталя, лежавшую в отдельном гнезде футляра.

«Это резонансный фокусиратор», - прошептала я, поднося кристалл к свету лампы. «Отец описывал его в своих черновиках. Призма разделяет драконий огонь на гармонические спектры, отсекая слепящий разрушительный жар и оставляя созидательную конструктивную составляющую».

Я жадно впилась глазами в колонки цифр, пропорций и химических формул на чертеже:

«Звездный металл... три доли очищенного северного серебра... одна доля вулканической серы... и сок свежих соцветий пепельного вереска, собранных на рассвете в день первого заморозка. Вереск выступает органическим стабилизатором, связывая избыточную энергию и не давая пламени пережечь кристалл!»

«Но для того, чтобы запустить процесс спайки, нужен направленный энергетический импульс», - Бертран указал узловатым пальцем на центральную формулу в круге. «Точный, чистый, непрерывный поток лазурного огня высшей чистоты. Малейшее колебание руки или страх - и сплав вскипит, уничтожив кристалл окончательно. Именно поэтому твой отец не успел завершить работу двадцать лет назад. В замке не осталось истинных драконов. Прежний владыка погиб при взрыве, а Дамиан был слишком юн, полон боли и ярости».

«Теперь герцог вернулся», - твердо сказала я, сворачивая чертеж в уме в единую четкую последовательность действий. «И его пламени хватит, чтобы проплавить этот камень до самого

основания. Я свяжу шов, господин архивариус. Я знаю, как укротить этот камень. Мы спасем Академию и спасем моего брата».

Договорить я не успела.

Сверху, сквозь многофутовую толщу скалы, донесся глухой, сокрушительный удар, от которого с потолка архива посыпалась каменная крошка и вековая пыль. Светильник на мраморном столе испуганно качнулся, а Лютик на плече старика истошно заверещал, расправив крылья и пряча мордочку в складках мантии.

Затем зазвучал набат.

Это был не учебный сигнал гарнизонного рожка. Это был великий тревожный колокол Главной Башни - частые, захлебывающиеся удары тяжелого кованого языка о бронзу, возвещающие о смертельной опасности для всей крепости.

Дверь тайной палаты распахнулась настежь, и на пороге появился запыхавшийся Кристоф Валлен. Его меховой плащ был разорван на плече, щека перепачкана сажей и кровью, а в руке он сжимал обнаженный палаш, покрытый ледяной коркой.

«Торн! Живо на выход!», - прохрипел комендант, хватая ртом морозный воздух.

«Что случилось?!», - крикнула я, мгновенно подхватывая сундучок с верстака.

«Прорыв на нижнем горизонте!», - гаркнул Валлен, хватая меня за плечо и увлекая к выходу. «Ледяные твари из Разлома пробили защитную переборку в старых соляных штольнях! Шахтеры отрезаны, шлюзовую решетку перекосило от мороза! Герцог Крейг уже в забое, он держит обвал в одиночку, сдерживая прорыв пламенем, но опорные балки не выдерживают температуры! Если мы не запечатаем проход прямо сейчас, нечисть выйдет прямо на склад боеприпасов и в лазарет!»

Глава 6. Прорыв на нижнем горизонте

Спуск в нижние соляные штольни цитадели напоминал стремительное падение в пылающее ледяное пекло.

Мы вихрем неслись вниз по узким, скользким ступеням, вырубленным прямо в сыром граните много веков назад первыми строителями крепости. Стены древней шахты вибрировали от глухих, утробных тектонических ударов, заставлявших звенеть металлическую фурнитуру на дверях штолен. Сверху непрерывно сыпалась мелкая каменная труха, серая известковая пыль и сухая колючая соль, а в вентиляционных колодцах нарастал нестерпимый, пронизывающий до самых костей свист - так воет смертоносная полярная буря, прорывающаяся сквозь трещину в плотине. Снизу, из неизведанной глубины штрека, тянуло тяжелым удушливым запахом горелого камня, едкого озона и омерзительной сладковатой гнилью, какую истощают потревоженные тысячелетние ледники, веками копившие первобытный мрак.

«Держись строго за мной, Торн!», - во все горло орал комендант Кристоф Валлен, перепрыгивая через три обледенелые ступени за раз и освещая путь смоляным факелом, от которого во все стороны летели шипящие багровые ошметки горящей копоти. «Если оступишься на этой чертовой скользкой наледи - свернешь шею к бесам, и тебя смоет в глубокий дренажный колодец в самую бездну!»

«Смотрите лучше под свои собственные кованые сапоги, комендант!», - крикнула я в ответ, сжимая в левой руке тяжелый кожаный рабочий сундучок, а в правой - свой верный стальной стилус с серебряным сердечником. «Если вы расшибете себе лоб о притолоку, командовать обороной гарнизона и спасать шахтеров придется мне одной!»

Старый рубака лишь хрипло хохотнул сквозь зубы, оценив пограничную дерзость, и прибавил ходу, сбивая плечом намерзшие на поворотах сосульки.

Мы выскочили на широкую погрузочную платформу третьего горизонта шахты.

Зрелище, открывшееся моим глазам сквозь клубы горячего и холодного пара, заставило кровь застыть в жилах от первобытного ужаса.

Это была колоссальная соляная выработка, тянувшаяся на добрые две сотни ярдов вглубь скального массива. Веками здесь добывали чистейшую пластовую соль и огнеупорный базальт для нужд северных провинций. Но сейчас забой превратился в арену кровавого кошмара. В дальнем конце штрека массивная защитная переборка толщиной в три фута из кованого железа и зачарованного камня была буквально выворочена наружу с мясом и сокрушена неведомой сокрушительной силой. Из зияющего черного пролома клубами валил густой фосфоресцирующий фиолетовый пар, и вместе с этим ядовитым туманом в забой безудержной лавиной лезли они.

Порождения Ледяного Разлома.

Это были жуткие, кошмарные твари, похожие на исполинских пауков или богомолов, слепленных из черного пакового льда и спрессованного мерзлого базальта. Их шестипалые суставчатые конечности оканчивались зазубренными ледяными серпами, высекавшими ослепительные снопы искр из камня, а из круглых безглазых пастей сочилась едкая хладная слизь, разъедавшая гранит с шипением концентрированной царской водки. Десятка два перепуганных шахтеров в просмоленных брезентовых куртках и солдат пограничной стражи отчаянно отбивались тяжелыми кайлами, кирками и алебардами, шаг за шагом пятясь к массивному железному шлюзу, отделявшему штольню от жилых ярусов цитадели.

Но шлюз был безнадежно мертв.

Тяжелая решетка из полосового чугуна застряла в направляющих пазах на высоте человеческого роста, накренившись под опасным косым углом. Подъемные цепи были перекру-

чены, а массивный ворот намертво заклинило обрушившейся гранитной балкой потолочного перекрытия. Люди оказались в каменном капкане перед наступающей смертью.

А между отступающим гарнизоном и наступающей лавиной ледяных тварей стоял один-единственный воин.

Дамиан Крейг.

Я никогда в жизни не видела ничего более страшного, сокрушительного и одновременно неописуемо величественного.

Герцог больше не скрывал своей истинной природы перед подчиненными и солдатами. Он находился в частичной боевой трансформации высшего лазурного дракона. Его торс, плечи и шею покрывала переливающаяся сапфировая чешуя, прочная, как закаленная звездная броня. За его спиной вздымались гигантские полупрозрачные крылья, сотканные из чистого, ревущего лазурного пламени, освещавшие своды шахты слепящим полуденным светом. В правой руке он сжимал тяжелый двуручный эспадон, чье широкое лезвие гудело от переполнявшего его жара, а из левой ладони вырывались сплошные струи первородного огня, плавившие ледяные панцири чудовищ в кипящую жижу.

«Назад, к шлюзу!», - рокотал его громоподобный голос, и в этом звуке не было ничего человеческого - это был раскат первородного грома, сотрясавший вековые базальтовые своды забоя. «Уходите, смертные! Я держу горизонт!»

Дамиан сделал молниеносный выпад, разрубая надвое прыгнувшую на него тварь размером с матерого медведя. Ледяной панцирь чудовища лопнул с оглушительным треском, осыпав каменный пол градом острых ледяных игл, но на место убитого монстра из черного пролома уже лезли трое новых, щелкая челюстями и вздымая зазубренные костяные серпы.

Солдаты гарнизона, выстроившись полукругом позади коменданта, открыли беглый огонь из тяжелых крепостных арбалетов. Кованые болты с зачарованными стальными наконечниками свистели в раскаленном воздухе, впиваясь в ледяные сочленения чудовищ, раскалывая их ледяные панцири и замедляя натиск.

«Цельтесь в шейные узлы!», - зычно командовал Валлен, перезаряжая свой тяжелый самострел. «Не подпускайте прыгунов к вагонеткам! Торн, держись позади щитов!»

Но стоять на месте было верной смертью. Я видела силовые линии пространства так же ясно, как натяжение канатов.

«Валлен!», - закричала я, вцепившись в кожаный наруч коменданта и перекрывая грохот боя, свист болтов и шипение пара. «Потолок штрека не выдержит температуры! Посмотрите наверх! Драконье пламя разогревает гранитный свод докрасна, а лед из Разлома обдает породу минусовой стужей! Гранит даст температурный раскол прямо над подъемным воротом! Еще минута - и весь горизонт рухнет нам на головы!»

Комендант вскинул голову и побелел под слоем сажи и копоти.

Прямо над головами спасающихся шахтеров, в центральной несущей арке шлюза, наливалась паутина тонких черных трещин. Оттуда уже летели крупные булыжники, глухо разбиваясь о плиты. Если арка рухнет прямо сейчас, завал похоронит под собой и людей, и подъемный механизм, а вход в цитадель останется открытым для сотен ледяных тварей.

«Шахтеры, бросайте инструмент! Все под решетку, бегом марш!», - взревел Валлен, бросаясь к шлюзу и подставляя закованное в броню плечо под заклинившую цепь. Солдаты подхватили раненых товарищей и бросились в узкий просвет под решеткой, перекатываясь на безопасную сторону платформы.

Но сам ворот был намертво зажат тоннами рухнувшего гранита. Решетку невозможно было опустить до конца.

«Торн, уходи назад на лестницу, спасайся!», - рявкнул комендант, чьи мускулы на шее вздулись до предела, а лицо побагровело от натуги. «Сейчас вся эта чертова арка рухнет нам на головы!»

«Заткнитесь, Валлен, и держите левую цепь изо всех сил!», - выкрикнула я, сбрасывая меховой жилет и падая на колени прямо в ледяную жижу перед заклинившим передаточным узлом лебедки.

Страх исчез без следа. В критическую минуту во мне всегда включался холодный, звенящий расчет мастера.

Я видела внутреннее напряжение металла сквозь слой смазки, угольной пыли и ржавчины. Чугунная шестерня ворота треснула в трех местах под весом упавшей балки, ее массивные зубья намертво заклинило в пазу, а удерживающий храповик согнулся винтом. Чугун - хрупкий, зернистый материал, не терпящий резких ударов. Если попытаться сорвать ворот грубой силой - шестерня разлетится на мелкие осколки, и многотонная решетка сорвется, раздавив последних бойцов, прикрывавших отход.

Мне нужен был шов. Мгновенный, эластичный, сверхпрочный серебряный шов, способный выдержать динамический удар и перераспределить чудовищный крутящий момент. Отец всегда учил меня: чугун нельзя лечить огнем, он помнит только тяжесть земли и гибкость живого серебра. Если перегреть кристаллическую решетку сплава, она мгновенно остеклуется и рассыплется в прах от малейшего толчка.

Я сорвала с пояса маленький флакон с концентрированным экстрактом полярного вереска, зубами выдернула пробку и плеснула вязкую фиолетовую жидкость прямо на раскалившийся от трения металл. Густой травяной пар с запахом прелой листвы и меда ударил в лицо, шипя и мгновенно охлаждая зону термического напряжения. Магическая эмульсия заполнила поры чугуна, создавая эластичную подушку между разорванными зернами углерода.

Я вонзила острие своего стилуса прямо в трещину между зубьями чугунной шестерни, накладывая поверх хрустальную призму-фокусиратор.

«Духи земли и пламени, свяжите металл!», - выдохнула я, активируя резерв своего дара на полную мощность. Серебряные нити конструктивной магии запульсировали в такт моему бешено колотящемуся сердцу, перетекая из моих вен в сердечник ворота.

Синий огонек на кончике стали вспыхнул ослепительно ярко, заливая механизм призрачным светом. Тончайшие серебряные нити конструктивной магии брызнули из моих пальцев, обвивая разорванные кристаллы чугуна. Я вливала собственную жизненную силу в холодный металл, заставляя его размягчаться, затягивать трещины, менять форму и послушно подчиняться моей воле. Руки обжигало чудовищной отдачей, в висках застучали тяжелые наковальни, перед глазами поплыли багровые круги, но я не разжимала пальцев.

«Валлен, руби гранитную балку слева!», - закричала я, чувствуя, как горячая кровь тонкой струйкой течет из моего носа на подбородок.

Комендант, взревев от ярости, обрушил тяжелый боевой топор на треснувший камень. Гранитная опора с грохотом раскололась, освобождая зажатый трос. Металл запел высоким, чистым колокольным звоном. Отремонтированная шестерня провернулась с глухим щелчком, звенья стопудовой цепи с визгом проскочили по желобу, и массивная чугунная решетка шлюза с громоподобным ударом врезалась в каменный порог, отсекая забой от жилых ярусов.

Спасенные шахтеры и бойцы арьергарда рухнули на колени, тяжело хватая ртами воздух. Двое раненых забойщиков со слезами на закопченных лицах смотрели на меня так, будто я только что спустилась к ним с небес во плоти спасительной богини.

«Живы... все живы, клянусь предками!», - хрипел пожилой десятник, прижимая к груди уцелевшую шахтерскую лампу. «Девчонка спасла нас... Ремесленница удержала горизонт!»

Комендант с яростным ревом опустил свой тяжелый палаш на треснувший гранитный брус, блокировавший ворот. Ослабленный камень со звоном раскололся на куски. Шестерня под моими пальцами провернулась со звонким скрежетом, серебряный шов упруго спружинил, сдержав колоссальное давление, и многотонная чугунная решетка с громоподобным лязгом рухнула в направляющие пазы, врезаясь в каменный порог.

Шлюз закрылся. Вход на верхние ярусы был надежно запечатан.

Последний раненый солдат успел перекатиться под опускающимися зубьями за долю секунды до сокрушительного удара.

Но по ту сторону решетки, в клубах фосфорного пара и ядовитой ледяной пыли, остался Дамиан.

«Милорд!», - в отчаянии крикнул Валлен, бросаясь к железным прутьям и в бессилии колотя по ним ладонью в латной перчатке.

Сквозь узкие просветы толстой решетки было видно, как твари окружили герцога плотным кольцом. Их зазубренные серпы полосовали воздух, ледяная слизь шипела на сапфировой чешуе его доспеха, выжигая глубокие борозды на металле. Дамиан стоял спиной к нам, и его огненные крылья яростно трепетали, раздувая лазурный вихрь и отбрасывая чудовищ назад.

Он сделал глубокий, долгий вдох.

Его грудная клетка расширилась, чешуя на горле налилась ослепительным белым калением, и герцог исторг из себя колоссальный, ревущий поток первородного лазурного пламени.

Это был рев самого солнца, запертого в недрах гранитной горы.

Сплошная стена огня ударила в своды забоя, прокатилась по штреку на сотню ярдов вперед, превращая ледяных чудовищ в шипящий пар за считанные доли секунды. Черный гранит плавился, стекая со стен светящимися каплями лавы. Взрывная волна чудовищной силы сотрясла решетку шлюза, осыпав нас горячей окалиной и осколками соляных кристаллов.

Когда пламя наконец угасло, в штреке воцарилась мертвая, звенящая тишина. Все было кончено. Ни одной живой твари не осталось в забое - лишь дымящиеся лужи кипящей соляной рапы да оплавленный, остекленевший базальт.

«Он сделал это...», - выдохнул раненый шахтер, оседая на плиты платформы и хватаясь за пробитое плечо. «Господи помилуй, он выжег весь прорыв в одиночку...»

Я тяжело поднялась на ноги, вытирая рукавом кровь под носом, и подошла вплотную к решетке, вглядываясь в оседающий густой пар.

Дамиан стоял посреди дымящегося забоя, тяжело опустив плечи. Огненные крылья за его спиной медленно растаяли, превратившись в струйки сизого дыма. Сапфировая чешуя на его руках поблекла, с тихим шелестом втягиваясь обратно под кожу. Его тяжелый клинок со звоном выпал из разжавшихся пальцев, ударившись о камень.

Я бросилась к аварийному рычагу смотровой дверцы шлюза. Руки дрожали от истощения дара, но я навалилась всем весом на заклинивший засов, сбивая стопор ударом тяжелой рукояти отцовского резца. Дверца со скрежетом поддалась, распахнувшись в клубы ядовитого пара.

«Торн, стой! Назад, безумная девчонка!», - заорал позади Валлен, но я уже проскользнула в узкий проем, переступая через шипящие ледяные осколки поверженных тварей.

Воздух в забое обжигал легкие ледяным пламенем. Земля под подошвами моих сапог была горячей, как печная заслонка, но от стен штрека веяло загробной стужей. Я подбежала к Дамиану, чувствуя, как морозная дымка вокруг его тела буквально высасывает тепло из моих пальцев. Его губы посинели, ресницы покрылись колким инеем.

А затем герцог покачнулся.

Он медленно опустился на одно колено, упираясь ладонью в горячий шлак. Его широкие плечи судорожно дернулись, из груди вырвался глухой, мучительный кашель, и на серый камень брызнула темная, почти черная кровь, в которой отчетливо сверкали мелкие колючие кристаллики льда.

«Милорд!», - Валлен схватился за засовы шлюза, пытаясь поднять решетку обратно.

Но я видела больше, чем комендант.

Мое внутреннее зрение било тревогу с оглушительной силой. Вокруг фигуры Дамиана клубилась не гарь от пожара. Из его груди, прямо сквозь расстегнутый ворот разорванного камзола, вырывался густой, маслянистый черный туман - ледяная скверна Разлома. Его драко-

нье огненное ядро, выдав пиковую мощность, полностью истощило резерв и не могло больше сопротивляться внутреннему холоду.

Ледяное выгорание настигло его прямо сейчас.

Дамиан поднял голову, и наши взгляды встретились сквозь железные прутья шлюза. Его глаза больше не горели лазурью - они остекленели, покрываясь белесой, мертвенной пленкой, а губы беззвучно прошептали одно-единственное слово:

«Эвелина...»

В следующую секунду верховный дракон рухнул лицом вниз на остывающий базальт, и черный ледяной иней мгновенно начал затягивать его широкие плечи, грозя превратить в монолитную ледяную статую за считанные минуты.

Глава 7. Ночной передел

Мы поднимали герцога наверх вчетвером, шаг за шагом преодолевая крутые гранитные пролеты.

Дамиан был неподъемно тяжелым, словно отлит из цельного орудийного чугуна. Его тело то пылало яростным, нестерпимым жаром, от которого начинала дымиться грубая шерсть солдатских тулупов, то мгновенно покрывалось стекловидной коркой мертвого колючего инея. Комендант Валлен и двое дюжих сержантов-ветеранов несли его на плотном офицерском плаще, тяжело переводя дух и то и дело оскальзываясь на скользких каменных поворотах винтовой лестницы. Я шла вплотную рядом, не отнимая раскрытой ладони от его пылающего виска, стараясь хоть немного сгладить хаотичные всплески его стихийного огня.

«В общий лазарет его нести нельзя ни в коем случае», - хрипел Валлен, когда мы с трудом миновали площадку третьего яруса. «Если его поврежденное огненное ядро сдетонирует в горячечном припадке, весь лазарет разнесет в щебень вместе с ранеными шахтерами и стенами. Только наверх, в личные покои Главной Башни. Там стены с древних времен обиты экранирующими свинцовыми пластинами».

Личные покои ректора располагались на самом верхнем этаже цитадели, прямо под хрустальным шпилем ретранслятора.

Это была просторная, суровая зала с полукруглыми готическими сводами из темного полированного базальта. Здесь не было и следа столичной изнеженной роскоши: широкая дубовая кровать под тяжелым пологом из волчьих шкур, массивный письменный стол, заваленный топографическими картами пограничных постов и донесениями разведки, кованая стойка с боевым оружием да огромный очаг, в котором сейчас сиротливо стыли серые угли. В узкие стрельчатые окна яростно бился ночной буран, швыряя в толстые слюдяные стекла горсти колючего снега.

Солдаты бережно переложили Дамиана на широкую постель. Герцог тяжело застонал сквозь плотно сжатые зубы, его мускулистое тело выгнулось дугой в судороге, и по льняной ткани подушки поползли тонкие струйки едкого сизого дыма.

«Лекаря Грига сюда! Живо, одна нога здесь, другая там!», - приказал Валлен подоспевшему караульному, отирая рукавом пот со лба.

«Григ ничем не поможет», - раздался от массивных дверей спокойный, уверенный женский голос.

В комнату легкой походкой вошла Майра. В руках моя подруга бережно держала глубокую медную чашу, над которой поднимался густой, целебный пар с горьковато-сладким ароматом цветов горного вереска и топленого барсучьего жира, а под мышкой несла стопку чистых льняных полотенец.

«Григ боится драконов больше, чем чертей из Разлома», - продолжала травница, решительно ставя чашу на прикроватный столик. «Он только заглянул в коридор, почуял запах перекаленного озона и тут же заперся в своей аптеке на три засова, бормоча охранительные молитвы. У его светлости тяжелейший стихийный коллапс внутреннего ядра. Обычные человеческие микстуры здесь абсолютно бессильны. Либо мы снимем тепловой спазм прямо сейчас, либо к рассвету его внутренний огонь сожжет сердце и рассудок дотла».

Валлен посмотрел на меня с немой, отчаянной мольбой в глазах:

«Торн... ты сможешь обуздать его пламя?»

«Оставьте нас одних, комендант», - твердо и спокойно сказала я, сбрасывая рабочий жакет и решительно закатывая рукава рубашки. «И выставьте самый надежный караул у дверей башни. Профессор Малверн и его столичные соглядатаи не должны переступать порог этой комнаты ни при каких обстоятельствах».

Комендант молча кивнул, сделал короткий знак сержантам, и они вышли, плотно притворив за собой тяжелую дубовую створку.

В комнате остались только мы втроем.

Я подошла к высокой постели и опустилась на край матраса. Дамиан метался в горячечном, мучительном бреду. Его лицо, обычно непроницаемое, холодное и строгое, сейчас было искажено гримасой нечеловеческой боли. Смоляные волосы разметались по подушке, влажные от пота, на скулах горел лихорадочный алый румянец, а дыхание вырывалось из груди прерывистыми, хриплыми толчками.

«Помоги мне расстегнуть боевой камзол, Майра», - тихо попросила я, наклоняясь над ним.

Крупные пуговицы из кованого серебра были раскалены, словно уголья. Мы с трудом распустили кожаную шнуровку и стянули плотную ткань, обнажив широкий, рельефный торс герцога.

Мое дыхание перехватило от увиденного.

На его груди, прямо над сплетением ребер, где у драконьей породы располагается сокровенное вместилище первородного пламени, темнела страшная рана. Это не был след от удара клыка или ледяного серпа. Это был внутренний разрыв ауры. Тонкие, мерцающие синим светом нити магических сосудов были разорваны, их концы хаотично дергались, выбрасывая в воздух крошечные фиолетовые молнии. А вокруг этой раны, словно черная паутина, стремительно расползался ледяной налет хладной скверны Разлома, методично вымораживая живую плоть.

«Его ядро разорвало от чудовищной перегрузки», - сдавленно выдохнула Майра, поднося чашу с горячим настоем. «Он отдал слишком много огня в забое, спасая шахтеров и держа обвал. Теперь ледяная бездна проникает в образовавшуюся пустоту».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.